Слово об отце

Предисловие

Каждому здравомыслящему человеку свойственно оглядываться на пройденный путь, сопоставлять свои действия и поступки с напутствиями родителей. Особенно характерно это для людей, перешагнувших 50-летний рубеж своей жизни. И здесь я не являюсь исключением. Именно поэтому мне пришла в голову мысль рассказать о своих родителях, обобщить в письменном виде то, о чем думал на протяжении нескольких лет.

Я родился 17 мая 1953 года в Алма-Ате. В тот год моему отцу исполнилось 30 лет, маме — 22 года. К тому моменту они были уже зрелыми людьми в смысле возраста и выпавших на их долю жизненных трудностей.

В 2013 году моему отцу, Кемелю Токаеву, исполнилось бы 90 лет. Это уже преклонный возраст для многих людей, особенно живущих в благопо-

лучных странах Европы. Да и в Азии, например, в Японии и Китае, немало людей, без каких-либо трудностей доживающих до этой даты. И в нашей стране были здравствующие аксакалы, радующие близких и родных своим долголетием. Можно упомянуть в этой связи бывшего Председателя Совета Министров Казахской ССР Байкена Ашимова, отметившего в 2007 году свое 90-летие. Нельзя не вспомнить и нашего прославленного героя, генерала армии, первого обладателя высшей награды независимого Казахстана «Халық қаһарманы» Сагадата Нурмагамбетова. В кругу ветеранов труда находятся бывший министр культуры Жексенбек Еркимбеков и бывший министр торговли, заместитель Председателя Совета Министров Султан Жиенбаев.

Таких примеров можно привести немало. И слава Всевышнему, что нас всегда окружают аксакалы, передающие свой жизненный опыт и богатые знания молодым людям. В животворном диалоге разных поколений видится связь времен и эпох, что крайне важно для бесконфликтного развития общества, стабильности и спокойствия в нашей стране.

К большому сожалению, отцу была отмерена судьбой совсем недолгая жизнь. Он скончался 10 ноября 1986 года в 63 года — в возрасте пророка Мухаммеда. Каждый раз, вспоминая об этой невосполнимой утрате для нашей семьи, пытаюсь понять: почему ему, прошедшему через все тяготы сиротского детства, кровавые ужасы Великой Отечественной войны, не посчастливилось пожить немного дольше, увидеть и стать свидетелем такого незабываемого исторического события, как обретение Казахстаном суверенитета и независимости. А ведь задолго до наступления новой эпохи, когда об этом вслух невозможно было рассу-

ждать, он уверенно говорил о том, что Казахстан обязательно станет независимым, самостоятельным государством, имеющим свои дипломатические представительства за рубежом. Он часто повторял известную казахскую пословицу: «Еркіндігі жоқ елдің ертеңі жоқ» — «Без свободы у народа нет будущего».

Но к нему судьба была не столь милостивой, как к его сверстникам, появившимся на свет в 20-х годах XX столетия. Ему не удалось лицезреть многого, хотя он прожил жизнь, трудную и богатую событиями. Отцу не довелось пожить в большом достатке, в окружении взрослых внуков, в том числе и моего сына Тимура. Незадолго до своей кончины он мог лишь мечтать о том, как мы, его дети, прочно встанем на ноги, обретем уважение в обществе, вырастим своих детей, дадим им образование. Но он ушел в мир иной, оставив нам добрую память о себе, свои светлые мечты и напутствия.

В то же время, с годами смирившись с невосполнимой утратой, я пытаюсь понять причины столь раннего ухода отца из жизни. И порой кажется, что нахожу в этом печальном факте определенную закономерность. Она кроется, прежде всего, в самой недолгой жизни отца. Жизни, как я уже писал, невероятно событийной, неимоверно трудной и тяжелой. Думаю, что человеку, оставшемуся круглым сиротой в раннем детстве, не познавшему родительской любви, теплоты и ласки, вынужденному в буквальном смысле слова выживать в нашем далеко не ласковом, скорее, жестоком мире, ему, не по своей воле отправленному на тропу войны и подростком смотревшему в лицо смерти на полях беспримерного в истории сражения с нацистскими ордами, мужчине, на своих плечах вынесшему все тяготы послевоенной жизни, трудно было бы надеяться на другую, более благопо-

лучную долю. Ничто в жизни не проходит бесследно, особенно трудности и горести. А на долю отца их выпало в избытке.

Поэтому считаю своим сыновним долгом в доступной форме и откровенно рассказать о Кемеле Токаеве, его жизни и думах. Надеюсь на то, что мои записи представят большой интерес для людей, знавших моего отца, для читателей его художественных произведений, а также для молодежи, пытающейся заглянуть в прошлое и понять, как жили наши отцы, которые своим героическим трудом заложили основы независимости Казахстана.

В этой же книге я попытался рассказать о маме, сыгравшей определяющую роль в моей жизни. По сути дела, всей своей жизнью и достигнутыми успехами я благодарен именно ей, потому что она верила в мою судьбу и после кончины отца стала моим главным судьей и советчиком. Главу, посвященную ей, я написал во время долгих перелетов за границу и обратно. Находясь высоко в небе, я с благодарностью и с душевной болью вспоминал ее, целеустремленную, волевую и добрую женщину, и эти думы обретали форму повествования о дорогом человеке.

Воспоминания о родителях уже вышли отдельной книгой. Ее основное содержание вошло в предлагаемую читателям публикацию. Однако в нее внесены существенные редакционные коррективы, что, само по себе, естественно. Ведь по истечении времени появляются новые мысли, а то, что казалось важным несколько лет назад, уже утрачивает свой первоначальный смысл.

Глава I

Детство и юность

Кемель Токаев родился 2 октября 1923 года в небогатой семье, относившейся к категории «середняков». Его отец Тока занимался тяжелым крестьянским трудом, а мать вела домашнее хозяйство. Родиной отца является село Кальпе Каратальского района ныне Алматинской (бывшей Талдыкорганской) области. Он был вторым ребенком в семье. Его старший брат Касым по казахской традиции воспитывался у деда, поэтому носил другую фамилию. У отца была младшая сестренка, к сожалению, рано ушедшая из жизни в результате трагического случая. Об этом я расскажу далее.

По рассказам отца, он с раннего детства познал тяжелый физический труд, помогая своим родите-

лям вести домашнее хозяйство. Его отец был человеком скромным и даже нелюдимым. Все свободное время он посвящал семье. Очень любил свою жену, детей, считая своим главным долгом обеспечить их всем необходимым, хотя в то время это было нелегким делом. Мать отца слыла в своем ауле первой красавицей, она поражала односельчан очень правильными чертами лица. К тому же была хлебосольной хозяйкой. В их доме никогда не переводились гости, которым очень нравилось общаться с жизнерадостной женщиной с открытой душой. Отцовская семья почиталась в ауле за бескорыстие, добропорядочность, честность и твердую приверженность национальным традициям. Но всем близким родственникам отца была уготована трагическая судьба, связанная с историческими событиями того непростого времени.

Как известно, в 1927 году состоялся XV съезд ВКП(б), на котором было принято решение о проведении в стране кампании по коллективизации в сельском хозяйстве. Данное решение повлекло за собой трагические последствия прежде всего для сельских жителей всей страны, но особенно сильно пострадали жители Казахстана и Украины. Люди насильственно загонялись в колхозы, началась борьба с богатыми крестьянами (кулаками) и так называемыми «середняками». Их ссылали в отдаленные районы страны, сажали в тюрьмы, многих расстреливали.

В ходе этой кампании в жертву были принесены казахи, испокон веков занимавшиеся животноводством. Не по своей воле они вступали в колхозы и были вынуждены расставаться с личным скотом. Буквально в одночасье казахи лишились всех источников своего существования и оказались беззащитными перед надвигавшейся из

Кремля страшной угрозой их традиционному быту. Общеизвестно, что наместником Москвы в Казахстане стал тогда один из большевистских лидеров Голощекин, с редкой «добросовестностью» выполнивший поручение Ленина и его сподвижников по умерщвлению венценосной царской семьи. Запятнавший себя кровью бывшего монарха, Голощекин с не меньшей, если не с большей жестокостью подавлял малейшее инакомыслие среди казахов, которые к началу XX века были самым крупным этносом в Средней Азии.

Коллективизация и политика ассимиляции казахов нанесли непоправимый ущерб генофонду нации.

Безжалостно были уничтожены сотни тысяч людей, которые могли бы сделать много полезного для своего народа. В тот трагический период истории практически была уничтожена половина всей нации, в том числе казахская интеллигенция.

В этой связи интересен, на мой взгляд, следующий факт. Согласно переписи населения Средней Азии, проведенной царской администрацией в конце XIX века, казахи («киргиз-кайсаки») в тот период были самым многочисленным народом нашего региона. Нас было более 4 млн человек. Численность же узбеков не превышала 500 тысяч человек. Около 2 млн человек составляла численность так называемых сартов, которые в переписи были обозначены как «отуреченные таджики». Остальные 1,5 млн человек принадлежали собственно к таджикам, численность же киргизов («каракиргизов») была незначительной.

Кровавые репрессии большевиков, как я уже сказал, сильно подкосили казахский генофонд с самыми тяжелыми последствиями для нашей культуры и языка. По данным ученых, казахи лишились более половины своей численности, что

дает основание квалифицировать последствия Ашаршылык (голода) как одну из величайших трагедий в истории человечества.

Политическая и историческая оценка данной трагедии еще не дана, исследования продолжаются, но чем дальше уносит нас время от той человеческой катастрофы, тем все более очевидной становится недопустимость ее забвения. Нам на смену придет новое поколение — ровесников казахской Независимости. Именно они весомо и обоснованно выскажутся в адрес советских руководителей, развязавших политику уничтожения лучших сынов и дочерей казахского народа.

Советская власть проводила беспрецедентные в мировой истории репрессии против тех, кто сомневался в ее правоте. Жертвами стали и невинные люди. В это число вошли и ближайшие родственники Кемеля Токаева. Их уход из жизни был настолько страшным, что с трудом поддается описанию. Тем не менее в данной книге я хотел бы рассказать и об этом.

Оставшись без каких-либо средств к существованию, мой дед принял решение покинуть родные места, чтобы избежать голодной смерти. Уходить в сторону Китая, как это делали в то время многие казахи, оставшиеся без личного подворья, дед, по рассказам моего отца, решительно отказался. Он считал, что на чужбине на долю семьи выпадут еще более тяжелые испытания и, самое главное — будет утрачена связь с родиной и родственниками. Поэтому на семейном совете было решено добираться до города Фрунзе, с тем чтобы переждать там тяжелые времена и попытаться спастись от голода, буквально косившего казахские поселения. Путь до Фрунзе был долгим и многотрудным, но семья все же добралась до него.

Во Фрунзе — ныне Бишкеке — дед сумел договориться с одной русской семьей пожить у них неко-

торое время взамен на тяжелую работу по хозяйству. Отцовской семье была выделена крохотная мазанка, стоявшая неподалеку от большого хозяйского дома. И даже той завалюхе семья несказанно обрадовалась, не догадываясь о том, что именно в ней произойдет большая трагедия.

Хозяина, приютившего казахскую семью, звали Яковом. Его трудное для казахского произношения имя было моментально перекроено в Жакып. Уже в 70-х годах отец как-то говорил мне, что всю жизнь хотел съездить в Бишкек и найти этот дом, но, как часто это бывает, его поездка из-за срочных дел постоянно откладывалась, и он так и не съездил туда.

Через пару лет жизни во Фрунзе моя бабушка из-за непосильного труда, непроглядной бедности и невыносимо тяжелых условий слегла, ее разбил паралич. Тяжелая болезнь любимой жены стала страшным ударом для деда, который выбивался из сил, чтобы прокормить семью. Он стал терять веру в будущее, все больше погружаясь в тяжелые раздумья. По вечерам со слезами на глазах он сидел рядом с парализованной женой, пытаясь хоть как-то утешить ее, жалостливо разглядывал своих детей, словно предчувствуя надвигающуюся трагедию. И она не обошла их дом. Это случилось в 1933 году.

Тот год был особенно тяжелым, люди продолжали голодать, ежедневно умирали сотнями тысяч. Трудным испытанием стала надвигавшаяся зима. Приближающиеся холода не сулили ничего хорошего для бедняков. Среди тех, кто так и не пережил той зимы, оказались и ближайшие родственники отца.

В один из дней дед, как всегда, работал в хозяйском доме, после чего решил пойти на городской базар, чтобы обменять на хлеб полученные

за работу старые хозяйские сапоги. Отец со старшим братом Касымом тоже пошли в город в поисках чего-нибудь съестного. По пути в город их настиг милицейский патруль, останавливавший беспризорных детей. Приняв двух плохо одетых мальчиков за сирот, милиционеры задержали их и силком посадили в телегу. На детские крики и заверения о том, что они не беспризорники, что у них есть родители, милиционеры не обращали никакого внимания. Один из них, по воспоминаниям отца, весь изрытый оспой и оттого казавшийся еще более страшным, пригрозил ребятам тем, что сбросит их в колодец, если будут сопротивляться. После такой угрозы дети притихли, смирившись с судьбой. Через час они уже были в детском приемнике, а после срочного оформления документов их отвезли в детский дом. Так мой отец оказался сиротой при еще живых родителях, которым оставалось жить совсем недолго.

Как я уже писал, в тот трагический день в доме оставалась бабушка со своей маленькой дочерью. Сестренка отца играла у печки, чтобы согреться — было уже очень холодно. В какой-то момент она оступилась и оказалась в огне той самой злополучной печи. Парализованная мать ничем не могла помочь ребенку, ей оставалось с ужасом наблюдать, как родное дитя медленно сгорает в огне. Через несколько минут она тоже умерла от пережитого ужаса. Почуяв беду, дед и Яков вбежали в мазанку. Ужаснувшись увиденному, дед заплакал навзрыд и, обессилев, опустился на колени у изголовья жены, прося у нее прощения. Тем временем Яков залил водой печь и вытащил оттуда обуглившееся тельце девочки.

Яков помог деду похоронить его жену и дочь, после чего они вдвоем пошли искать пропавших мальчиков. Долгие поиски ни к чему не привели,

никто не мог толком рассказать, где они находятся. Кто-то из соседей видел, как детей насильно посадили в телегу какие-то взрослые люди и увезли в неизвестном направлении. Это было еще одним тяжелым ударом для деда, ставшего непохожим на себя после смерти жены и дочери. Ему казалось, что его сыновей захватили какие-то преступники или рабовладельцы, коих в то смутное время было хоть пруд пруди. Кое-как добравшись домой, он сказал Якову, что жизнь для него потеряла всякий смысл, и попросил его присмотреть за детьми, если они когда-нибудь появятся тут. В ту же ночь дед покинул хозяйский дом, и больше его никто не видел. Он исчез бесследно.

Тем временем мальчики постепенно осваивались в сиротском доме, по-детски радуясь каждому куску хлеба. Как потом вспоминал отец, им даже удавалось экономить на еде, откладывая в самодельную матерчатую сумку кусочки черствого хлеба. Они рассчитывали на то, что когда-нибудь выберутся из детского дома, найдут своих родителей и сестренку, порадуют их бесценными в то голодное время гостинцами.

Прожив в сиротском приюте чуть более месяца, отец с братом решили бежать оттуда. Вдвоем это сделать было трудно, поскольку за беспризорниками внимательно следили милицейские патрули. Посоветовавшись, они решили бежать раздельно. В детском доме остался мой отец — младший по возрасту, а его старший брат Касым отправился на поиски своих родственников.

Через неделю он вернулся в детский дом в подавленном состоянии. Был поздний вечер, все дети уже легли спать. По воспоминаниям отца, изложенным в его автобиографическом романе «Солдат ушел на войну», Касым стал тихо пробираться к кровати брата через тела спящих детей.

Почему-то отец сделал вид, что крепко заснул. Один из друзей Касыма, по несчастью, шепотом спросил у него, где он был и что творится за воротами детского дома. Касым, стараясь не разбудить своего младшего брата, ответил, что искал своих родителей. Через три дня скитаний он нашел ветхий дом, который стал последним пристанищем его родителей. Яков в подробностях рассказал ему о беде, произошедшей с его родителями и сестренкой. Пытаясь избавиться от тяжелой душевной раны, выпавшей на его детскую долю, Касым подробно рассказал своему другу, что случилось в той злополучной мазанке.

Мой отец лежал тихо, внимательно слушая страшный рассказ брата. Он ничем не выдал испытываемый ужас и, глядя на лунный свет в окне, что есть силы душил в себе горькие слезы. Касым, тяжело вздохнув, сказал: «Вот мы с Кемелем и остались одни-одинешеньки на всем белом свете. Если что-то со мной случится, Кемель останется один, без родственников и какой-либо поддержки». К горькому сожалению, его слова оказались пророческими — через 9 лет Касым погиб на полях сражений Великой Отечественной войны. Кемель Токаев остался круглым сиротой, лишившись последней опоры — единственного брата Касыма.

Уже будучи студентом, я спросил у отца о самом трудном периоде его жизни. Отец сказал: «Самыми трудными для меня были минуты, когда я получил «қарақағаз» — известие о смерти брата». Он был убит в феврале 1942 года. Отец бережно хранил его письма и фотографию, на которой Касым изображен в форме лейтенанта Советской Армии. На обратной стороне снимка его рукой было написано карандашом: «Брату Кемелю на память». Отец много раз рассказывал о том, как Касым приходит к нему во сне, о чем-то говорит,

что-то советует, будто пытаясь уберечь его от жизненных напастей. Иногда мне казалось, что отец надеется на чудесное воскрешение старшего брата. В такие минуты он говорил: «Может быть, он потерялся в госпиталях после тяжелого ранения или контузии, ведь на войне всякое бывало. Я сам лежал с тяжелыми ранениями в военных госпиталях Гомеля, Омска, Алма-Аты и видел, как многие молодые солдаты без рук и ног отказывались возвращаться домой и бесследно пропадали на полустанках и вокзалах». Но Касым не объявлялся. Затем пришло официальное уведомление о его гибели на фронте, после чего отец смирился с тем, что на всем белом свете он остался один из всего рода Токаевых.

Кстати, своим именем я обязан дяде, которого, к сожалению, не довелось узнать, а Жомартом назвала мама, мечтавшая увидеть меня взрослым человеком, наделенным щедростью и широтой души.

После того как мальчикам стало ясно, что возвращаться им некуда, они решили учиться грамоте в детском доме. Через год Касым как самый старательный и дисциплинированный воспитанник был избран заместителем старосты. Пользуясь своим довольно высоким общественным положением, он всячески помогал младшему брату и даже ухитрялся добыть ему дополнительную хлебную пайку в столовой. Но должного учебного процесса в детдоме не было, дети попадались разные, в том числе и те, кто уже привык к разгульной, хулиганской жизни. Поэтому Касым решил обратиться с письмом к начальнику детского приюта с просьбой перевести его и младшего брата в другой детский дом, где можно было бы полноценно учиться и получать необходимые знания. Как человек, обладавший большими умственны-

ми задатками, он понимал, что без знаний им не выжить во взрослой жизни.

На удивление, начальник детского дома благосклонно отнесся к этой просьбе. Возможно, он был благодарен Касыму за хорошее поведение и помощь в наведении порядка среди беспризорников, которые не отличались кротостью нравов. Так мой отец с братом оказались в интернате для детей-сирот при Чимкентском свинцовом заводе. Там они получили среднее образование, стали обладателями первых в своей жизни официальных документов — аттестатов зрелости.

В личном архиве отца сохранились пожелтевшие фотографии, где он, задорный мальчишка, запечатлен со своими одноклассниками. Среди них — Амантай Байтанаев, ставший впоследствии известным писателем. Он вернулся с фронта без левой руки, и мы с братом и сестрами в детстве называли его «одноруким дяденькой». В начале 60-х годов А. Байтанаев часто бывал в нашем доме. Засиживаясь до позднего вечера, они с отцом с удовольствием вспоминали детские годы, проведенные в интернате, рассказывали друг другу о фронтовых делах и делились творческими планами. Несмотря на тяжелые ранения, А. Байтанаев прожил долго и отметил свое 80-летие в кругу семьи. В подготовленной мной книге «Азамат» он поделился воспоминаниями о Кемеле Токаеве, интересно рассказал, как они вместе учились в интернате, общались после войны, и даже как мой отец уже в 70-е годы случайно повстречал его в московском аэропорту, без денег и без билета в Алма-Ату, накормил его в ресторане и помог купить авиабилет.

Касым после окончания интерната и фельдшерского училища был направлен в Свердловск, где прошел краткосрочные курсы подготовки молодых офицеров. В свободное от занятий время он

писал письма младшему брату. Эти письма никого не могут оставить равнодушными: они настолько содержательны и насквозь пронизаны недетской заботой о младшем брате. В каждом из них Касым напоминал Кемелю о важности ответственного отношения к учебе и выполнения общественных поручений. Он просил брата не увлекаться выяснением отношений с одноклассниками-задирами, беречь себя. Другими словами, Касым брал на себя ответственность, присущую родителям, которых он пытался заменить после их трагического ухода из жизни.

Учеба в интернате давалась отцу довольно легко. Он отличался прилежностью и сообразительностью. Особенно хорошо он успевал по таким предметам, как казахский язык и литература. В школьные годы отец познакомился с творчеством Абая и искренне полюбил мудрые творения великого поэта и философа казахской степи. Впоследствии это сыграло свою роль при выборе профессии.

В нашем семейном архиве бережно хранятся табель успеваемости и характеристика, данная отцу директором школы и классным руководителем. В графе «происхождение» было указано, что Кемель Токаев из бедняков, семейное положение — «круглый сирота». Аттестат свидетельствует о том, что он успешно завершил учебу в интернате, по всем предметам проставлены оценки «хорошо» и «отлично». Исключение составляет лишь русский язык, по которому отец получил оценку «посредственно». И это было нисколько не удивительно, потому что он был выходцем из далекого аула и в детстве никогда не говорил по-русски.

Отца всю жизнь тянуло к знаниям. Он был невероятно усидчив и трудолюбив. В школьной характеристике особо отмечено, что Кемель Токаев был прилежен в учебе, отличался активностью в обще-

ственной жизни, не нарушал дисциплину. Его мечтой было поступление в высшее учебное заведение. В те годы для детей-сирот это были слишком смелые планы, ведь за ними никто не присматривал, никто им не помогал.

Отцу удалось поступить в университет лишь после войны, наложившей глубокий отпечаток не только на его биографию, но и на характер. Во время войны он закалился, выйдя из жестоких сражений взрослым человеком со сложившимися представлениями о добре и зле. Именно там, в ходе тяжелейших битв с жестоким врагом, он дал себе клятву верно служить Отчизне и своему народу, если останется жив. На фронте он стал членом Коммунистической партии. О его участии в войне я хотел бы рассказать отдельно, а сейчас остановлюсь на некоторых моментах, связанных с трудным детством отца.

По его воспоминаниям, в интернате учились дети, оставшиеся без родителей в ходе советской коллективизации. Это были в основном выходцы из сельских районов. Они не знали русского языка, были во многом наивными и свято верили в то, что втолковывали им учителя. Сами же наставники не отличались особым образованием, многие из них пришли учительствовать, имея за спиной в лучшем случае 7-8 классов начальной школы. В те годы люди, окончившие десятилетку, ценились очень высоко и слыли очень образованными.

О выпускниках вузов с почтением говорили: «Он имеет высшее образование!» Тем не менее обстановка в интернате в целом была неплохая, дети понемногу набирались знаний, предусмотренных учебной программой. Отец к окончанию интерната довольно свободно ориентировался в вопросах истории, литературы и математики. Но, конечно же, это были всего-навсего базовые зна-

ния, дававшие определенную надежду на получение высшего образования.

Отец очень хотел продолжить учебу в каком-нибудь институте, он мечтал стать журналистом или историком. Такое благое желание было, скорее, несбыточным, и надежд на то, что оно будет реализовано, было крайне мало. Как бы ни старался парень из аула, он все же был лишен тех преимуществ, которыми обладали его сверстники-горожане, жившие со своими родителями. В те годы сильным препятствием к вузовскому образованию было незнание русского языка и отсутствие доступа к элементарным достижениям цивилизации. Отец рассказывал, что пределом мечтаний всех парней были наручные часы. Его одноклассники, как и он сам, буквально бредили этой обыденной для нашего времени вещицей. Только в восьмом классе им объяснили, как пользоваться такими часами и как определять по ним время.

В обстановке, в которой вынужден был воспитываться отец, ему, скорее всего, предстояло бы довольствоваться работой на свинцовом заводе. Не мечтая о лучшей доле, он и его сверстники готовили себя к этому тяжелому труду. А к тяжелому физическому труду им было не привыкать, ведь их часто направляли на практику в различные трудовые коллективы.

Во время занятий детей-сирот учили быть преданными идеалам Коммунистической партии, преклоняться перед вождем советского народа И. Сталиным. Все, что ни происходило на огромной территории Советского Союза, ставилось в заслугу только кремлевскому диктатору. Естественно, в детских умах не могло быть и мысли, что именно Сталин виновен в их сиротстве. Дети непрестанно благодарили «любимого вождя» за предоставленную возможность учиться и получать казенное питание. Никто — ни преподаватели,

ни тем более дети — не смел задавать себе вопрос о том, почему целые села вымерли от «навязанного» сверху голода, почему миллионы детей оказались беспризорниками, почему все более-менее грамотные люди стали жертвами массовых политических репрессий и были уничтожены. Детей тогда в массовом порядке принимали в комсомол, идеологически обрабатывали в духе известных установок Компартии.

В то же время, по воспоминаниям отца, всемерное восхваление детей, поднявших руку на своих отцов как на классовых врагов советской власти, все-таки не находило положительного отклика среди его одноклассников. Передававшиеся из поколения в поколение казахские традиции и мораль не позволяли им принять идеологию предательства собственных родителей. По воле горькой судьбы казахские дети, оставшиеся без родительской ласки, были особенно восприимчивыми к крайностям классовой борьбы.

«Героизм» Павлика Морозова, доносившего на собственного отца, так и не прижился среди казахской молодежи. Зато детям-сиротам были понятны другие лозунги: «Клеветать на Сталина и партию — это все равно что клеветать на отца и мать». Дети, обделенные родительским вниманием и все же не терявшие надежду на чудесное воскрешение своих создателей — отцов и матерей, даже не могли представить себе, как можно не то что оклеветать, но даже худое слово сказать о собственных родителях.

Отец никогда не обольщался временем, в котором ему пришлось выживать. Он придерживался мнения, что общество, построенное по принципу классовой борьбы, изначально было «ненормальным», потому что усиленно насаждало тотальную ненависть и взаимную подозрительность.

Однако он считал, что ему повезло с интернатом, ведь он мог попасть в другой детский дом или приют, откуда лежала прямая дорога в «места не столь отдаленные». Таких примеров в те суровые годы было немало. В интернате же он избежал голодной смерти и смог получить среднее образование.

И лишь горькие воспоминания о безвременно умерших родителях настолько огорчали его жизнь, что он замыкался в себе, сожалея о том, что не смог помочь им остаться в живых. Единственной надежной опорой в такие горькие минуты был старший брат Касым, который активно занимался общественной работой в школе, являлся комсоргом. Он постоянно навещал Кемеля, помогал ему всем, чем мог, в том числе и едой. Касым мечтал после окончания школы поступить в институт, устроиться в общежитие, чтобы впоследствии забрать к себе младшего брата.

Но в их планы вмешалась война. Касым одним из первых был призван на фронт. Еще в 1939 году он попал на курсы подготовки политруков, которым предстояло вести воспитательную работу в воинских частях.

По воспоминаниям отца, расставание братьев было тяжелым. Собственно, никаких прощальных бесед и наставлений не было. Они молча, потупившись, сидели на лавке возле интерната, разглядывали свою потрепанную обувь. Стояло гнетущее молчание, братья в какой-то мере догадывались, что это их прощание друг с другом навсегда и что им никогда больше не доведется увидеться. Касым встал и сказал Кемелю, что пришло время идти в военкомат. Отец хотел его проводить, но Касым запретил ему это делать, сказав, что время уже позднее, а на обратном пути в интернат может случиться всякое. И даже в такую минуту Касым не переставал заботиться о млад-

шем брате. Они крепко обнялись, и Касым направился к грузовику, в котором уже сидели другие новобранцы. Отец смотрел вслед уходящему брату. Почувствовав это, Касым обернулся и махнул на прощанье рукой. Отец заметил, что старший брат с трудом скрывает слезы. Раньше он никогда не видел Касыма плачущим. Отец, предчувствуя, что видит брата в последний раз, горько заплакал.

Когда грузовик направился в сторону военкомата, Кемель медленно побрел к бараку для детей-сирот, добрался до своей койки и упал в полном бессилии. Прошло несколько часов, прежде чем он смог подняться и привести себя в порядок. Учебные будни в какой-то мере отвлекали его от горестных мыслей. Он понимал, что слезами делу не поможешь, нужно продолжать учиться и работать, чтобы выжить в этом жестоком мире.

Через полтора года настала и его очередь отправиться на фронт. Отец был направлен на краткосрочные сержантские курсы, после окончания которых стал бойцом Советской Армии.

Так грустно закончилось и без того несчастливое детство моего отца.

* * *

Всю свою жизнь отец скучал по старшему брату, очень сильно надеялся на его возвращение, хотя понимал, что это несбыточная мечта. Но ему хотелось верить в чудо, потому что он не знал места захоронения Касыма Болтаева. В «похоронке» об этом ничего не сообщалось, говорилось лишь, что он пал смертью храбрых при защите социалистической родины — СССР.

И вот много лет спустя удалось найти материалы, связанные с гибелью старшего брата К. Токаева. Соответствующую работу провело посольство Казахстана в России во главе с Н. Абыкаевым. В архивах общества «Мемориал» была обнаруже-

на докладная записка начальника отдела ЧК ГлавПУР РККА, полкового комиссара Гитермана «о потерях политсостава Калининского фронта для исключения из списков Красной Армии». В приложении к докладной записке обнаружена фамилия Болтаева Касыма, который, оказывается, «был убит в бою 22 февраля 1942 года». В указанном материале говорится, что К. Болтаев носил воинское звание младшего политрука, занимал должность политрука транспортной роты 290-го стрелкового полка 186-й стрелковой дивизии. Что касается его биографических данных, то архивные материалы сообщают: К. Болтаев родился в 1920 году в Каратальском районе Алма-Атинской области, казах, холост, член ВКП(б) с 1942 года, в Красной Армии с 1939 года, на политработе с 1941 года.

Свой последний приют на земле он нашел в братской могиле, расположенной в деревне Трубино Ржевского района Тверской области. Это захоронение по непонятным причинам несколько лет во время и после войны держалось в секрете, и только в годы хрущевской оттепели, в 1957 году, его привели в порядок, вокруг братской могилы была построена металлическая ограда, а на ней воздвигнут монумент по проекту архитектора Казакова. Но даже после такого благородного деяния данные о солдатах, захороненных в братской могиле, были недоступны их родственникам. Во всяком случае, ни сам отец, ни мы, его дети, ничего не знали о месте захоронения Касыма Болтаева.

Мы благодарны местным властям и жителям Ржевского района и деревни Трубино за внимательное, заботливое отношение к захоронению старшего брата моего отца. Он нашел свой последний приют в братской могиле воинов, геройски погибших в первый период самой кровопролитной войны в истории человечества.

Глава II

ВОЙНА

После окончания сержантских курсов во Фрунзенском пехотном училище отца направили в воинскую часть, входившую в состав Сталинградского фронта. Инструкторы по военному делу рекомендовали казахского парня на должность командира отделения 226-й стрелковой дивизии. Через три месяца участия в боях он получил ранение и был направлен в военный госпиталь. Молодой боец не стал отлеживаться и вскоре попросил направить его в действующую часть. Так он оказался в 7-м гвардейском танковом полку прорыва, входившем в состав Первого Украинского, а затем Второго Белорусского фронтов.

В его задачу входило сопровождение танков во время проведения наступательных операций и по-

давление огнем живой силы противника. По существу, он воевал в качестве десантника.

Ветераны войны подтвердят, что для участия в подобного рода боевых действиях от солдат требовались сильная физическая подготовка, снайперские навыки и, самое главное — высокий боевой дух. Отец рассказывал нам, что накануне боев с ними активно работали политруки, убеждали их не щадить себя во имя Родины. Широко использовалось и такое стимулирующее средство, как спирт. Бойцам перед наступлением выдавали традиционные «наркомовские сто грамм», которые придавали молодым воинам, впервые встречавшимся с ужасами войны, дополнительную смелость.

Отец, вспоминая о войне, всегда говорил, что нельзя верить художественным произведениям, в которых тяжелые ратные дела описываются в розовых тонах. Его раздражали «ванильные» рассказы многих авторов о советских солдатах и офицерах, дескать, не ведавших страха во время кровопролитных боев. Отец, как фронтовик, доподлинно знал, что все солдаты испытывали чувство страха, особенно при первой встрече с противником. Другое дело, что кто-то преодолевал страх и становился профессиональным воином, а кто-то так и не смог избавиться от этого прилипчивого чувства, добровольно сдавался в плен или находил иные пути, чтобы не участвовать в войне.

В своей книге «Солдат ушел на войну» отец подробно и очень правдиво описал, как он вместе с новобранцами впервые оказался под бомбовыми ударами противника. Эшелон, в котором они направлялись на фронт, был обстрелян вражескими бомбардировщиками. Бомбы сыпались с неба, как из чертовой дыры. Летящие снаряды издавали жуткий вой и свист, от этого звука люди, охва-

ченные ужасом, впадали в оцепенение. Некоторые молодые солдаты не могли сдвинуться с места, раненые новобранцы кричали и плакали навзрыд так, что порой заглушали свист авиабомб.

Отцу удалось собрать волю в кулак, быстро покинуть вагон и выбежать в открытую степь. Вместе с ним были его однополчане. Они залегли под бугром. Несколько привыкнув к оглушительным взрывам, молодой воин перевернулся на спину и стал наблюдать за действиями бомбардировщиков. Вражеские «мессершмидты», не встречая никакого сопротивления, вытворяли несусветное. Жертв было несметное количество, особенно среди гражданских лиц. Громко плакали дети, с ужасом видя, как их родители погибают под бомбами. Сбросив смертоносный груз, немецкие бомбардировщики не успокоились, начался пулеметный обстрел оставшихся в живых людей. Один из самолетов пролетел очень низко над прижавшимся к земле отцом, выпустив длинную пулеметную очередь. Она прошла буквально в нескольких сантиметрах от него.

Так отец получил боевое крещение на войне. После того как самолеты наконец улетели, он пошел на поиски своих сослуживцев. Из общего числа новобранцев в живых осталось чуть больше половины. Не теряя времени, они принялись помогать раненым. Выжившие в огненной «мясорубке» командиры связались со штабом полка и доложили о случившемся. Получив приказ сгруппироваться, солдаты под командованием младшего офицера направились к месту дислокации основной воинской части.

Полк, в котором довелось служить отцу, был многонациональным. В основном он состоял из русских, были в нем также украинцы, татары, белорусы, узбеки и представители других народов.

В полку служили два казаха, одним из которых был мой отец. Полк отличался высокой дисциплиной и спаянностью, каких-либо «разборок» на национальной почве не было. Всех однополчан объединяла общая цель — победа над фашистским агрессором. В те военные годы чувство патриотизма было достаточно сильным, оступившихся жестоко карали, предателей не прощали. Война расставляла всех по своим местам: в почете были смелые, отчаянные и сообразительные бойцы, а трусы и лицемеры не пользовались ни малейшим уважением среди солдат.

Как я уже указал в первой главе, отец, будучи выходцем из сельской глубинки, практически не знал русского языка. По стечению суровых обстоятельств война стала его первым жизненным университетом, где он получил уроки мужества и основные навыки общения на русском языке. Спустя много лет он с удовольствием вспоминал об этом, говоря, что русским языком он овладел не за школьной партой, а в боевых условиях. Тем не менее, поступив в университет и даже работая в редакциях газет, он не переставал шлифовать знание русского языка. Сохранились его личные блокноты, куда он своим красивым почерком вписывал грамматические примеры. Конспектировал и художественные произведения выдающихся русских писателей, заучивая наизусть целые абзацы.

Отец провел на войне два с половиной года. В августе 1944 года Советская Армия провела одну из крупнейших в истории Второй мировой войны военных операций по освобождению Белоруссии, Украины и Польши. В ней чрезвычайно важную роль сыграли танки. Советский Союз ценой неимоверных усилий сумел наладить производство современных танков, которые по своим техниче-

ским характеристикам не уступали, а во многом даже превосходили аналогичные образцы военной техники Германии. Особенно отличался танк Т-34, ставший, наряду с «катюшами», своеобразным победным символом Великой Отечественной войны. Эти танки прорывали оборонительные позиции противника, уничтожали его военную технику.

Что касалось уничтожения живой силы, то данная задача в основном возлагалась на танковый десант. Солдаты, ехавшие на танках, по приказу командиров спрыгивали на ходу и шли в атаку, обстреливая автоматными очередями неприятельские позиции. По воспоминаниям отца, это было трудным делом, особенно в ходе первых боев. Приходилось преодолевать большие расстояния, быть постоянно начеку, дабы не напороться на встречный огонь. Если танкисты были защищены броней, то десантники оказывались беззащитными во время массированного ответного огня.

Слушая рассказы отца, я часто представлял себе, как он сидит на танке с автоматом в руках, затем спрыгивает с него и с криком: «За Родину! За Сталина!» автоматной очередью расстреливает вражеских солдат. Теперь же, глядя на некоторых современных двадцатилетних, порой инфантильных ребят, я не перестаю гордиться мужеством наших отцов, которые, вопреки жестокой логике войны, сумели сломать хребет фашистской гидре.

Кровопролитные бои шли на всех участках фронта. Каждый взвод, рота, батальон, полк, дивизия, армия, фронт хорошо знали свой маневр и вели активные действия по уничтожению противника. Советская Армия, проявив подлинный героизм, сумела не только остановить натиск фашистских войск, но и сама перешла в активное на-

ступление. Среди военных и гражданского населения нашей страны появилась реальная надежда на победоносный исход войны. Как-то я спросил у отца, знал ли он, сержант Советской Армии, о стратегических планах дивизии или армии. Он откровенно признался, что хорошо ориентировался в планах роты, представлял себе, какое задание имеет перед боем батальон и даже полк, но о военных планах дивизии он знать никак не мог, потому что было «не положено».

Отдельная тема — это питание в перерыве между боями. Отец говорил, что обеспечение продовольствием армии было налажено на должном уровне. Конечно, происходили и сбои, но это было обычным делом во время войны. Где-то полевая кухня попадала под артобстрел, где-то снабженцы теряли продукты, где-то пехотинцы сами недорабатывали по доставке продовольствия в армейские части. Но в целом армия в те тяжелые годы обеспечивалась продовольствием в полном объеме. И это неудивительно, потому что на Советскую Армию работал весь народ, руководствуясь девизом: «Все для фронта, все для победы!» В тылу денно и нощно упорно трудились буквально все: кто был освобожден от воинской службы по брони, старики, женщины и дети. Весь многонациональный советский народ показал в те годы беспримерные в мировой истории образцы мужества и героизма.

Отец как-то рассказал мне, как после трехдневных боев его полк оказался без съестного. С полевой кухней что-то произошло, она застряла на далеких подступах к театру военных действий. Солдаты, привыкшие к более-менее регулярному питанию, отчаялись. Трудно было надеяться на укрепление боевого духа без традиционной каши и тушенки. Отец тоже обессилел после долгого по-

хода по позициям противника, нужно было что-то делать, чтобы накормить сослуживцев. Выйдя в поле, он обнаружил убитую лошадь. Решение было принято мгновенно: он стал быстро разделывать тушу лошади, отрезая от нее большие куски мяса. Позвав на помощь одного из солдат, перетащил свежее мясо на позиции роты, после чего сказал сослуживцам, что нужно добыть несколько ведер и сварить в них конину. Далеко не всем понравилось это предложение, но голод сделал свое дело. Через два часа мясо было сварено, и солдаты с аппетитом приступили к трапезе. После нее однополчане долго благодарили отца за проявленную смекалку. В ответ же он отшучивался, что накормил их национальным блюдом.

Кемель Токаев в составе танкового полка прошел по бранным полям Белоруссии, Украины и Польши, участвовал в обороне Сталинграда. К концу 1944 года был награжден двумя орденами Отечественной войны, многочисленными медалями за мужество и отвагу.

Не так давно в архивах Министерства обороны были найдены новые материалы, проливающие свет на героические действия Кемеля Токаева в ходе войны. Далее цитируются выдержки из этих документов, опубликованных в газете «Литер» 5 мая 2016 года.

До Берлина он не дошел, потому что был тяжело ранен в одном из боев на польской земле. По его воспоминаниям, он стал живой мишенью для немецкого снайпера, который, по всей видимости, высмотрел в бинокль сидевшего на танке солдата-азиата. Его коварный выстрел разрывной пулей попал в правую ногу отца. Он навзничь упал с танка и остался лежать на земле без сознания. Пролежал около десяти часов и очнулся лишь тогда, когда его положили на носилки военные санитарки.

До конца жизни он был благодарен Всевышнему за то, что получил ранение не на вражеской территории и тем самым избежал позорного пленения.

Рана оказалась тяжелой, весь сапог изнутри наполнился кровью. По заключению врачей, была перебита кость, что практически не оставляло надежд на сохранение ноги. Врачи склонялись к ампутации правой ноги, но отец, придя в сознание, стал умолять их не делать этого. Его настойчивые просьбы убедили военных врачей в том, что, лишив молодого сержанта ноги, они тем самым лишат его будущего. Было принято решение направить бойца в военный госпиталь в Гомеле, где он мог бы прийти в себя после большой потери крови. В Белоруссии отец пробыл недолго. Военно-медицинская комиссия приняла окончательное решение комиссовать его. Затем его перевели в военный госпиталь Омска.

В семейном архиве сохранилась выписка из его лечебного дела. Этот документ я хотел бы процитировать почти полностью.

«Выписка из свидетельства эвакогоспиталя о болезни № 761 от 16 июня 1945 г. Комиссия эвакогоспиталя 1494.

Звание: гвардии сержант, рост — 172 см, вес тела — 60 кг, окружность груди — 95 см. Ранен 21 января 1945 г. разрывной пулей в правую голень. Произведена хирургическая операция и обработка ран. Наложена циркулярная гипсовая повязка.

Объективные признаки болезни: на передней поверхности средней трети правой голени имеется Н-образной формы рубец размером 15х4 см. В центре рубца два свища с умеренным гнойным отделяемым. Рубцы — на месте входного и выходного отверстий пули. Движения в голенном суставе — в полном объеме, в голеностопном суставе тыльное сгибание — 100 градусов, подошвенное

сгибание — 110 градусов, ходит при помощи костылей. От операции секвестромии правой голени отказался.

Результаты специального исследования: рентгенограмма правой голени от 25 мая 1945 г. Перелом обеих костей голени в средней трети с нерезким боковым и продольным смещением отломков и ярко выраженной консолидацией их. Несколько мелких костных осколков, свободно расположенных в мягких тканях.

Название болезни: значительное ограничение движений правого голеностопного сустава после сквозного пулевого ранения с переломом обеих костей голени, осложненного остеомиелитом.

Лечение: физиотерапия, наложение повязок.

На основании статьи 49 графы II-III расписания болезней приказа НКО СССР от 1942 года № 386 признан негодным к дальнейшему несению воинской службы с оставлением на особом учете с переосвидетельствованием на шесть месяцев. Группа инвалидности — вторая, с переосвидетельствованием через три месяца.

Следовать пешком не может.

В провожатом не нуждается.

Заболевание обусловлено: ранен в бою при защите СССР».

Формально война для отца закончилась, но еще долгие годы, вплоть до самой смерти, она не отпускала его, постоянно напоминая о себе. Где-то за пять лет до своей кончины отец часто вспоминал те или иные эпизоды, а по ночам вскрикивал, отдавая боевые команды своим сослуживцам.

С большим интересом он смотрел фильмы о войне, читал о ней художественные произведения. Далеко не все ему нравилось. Он считал, что некоторые рассказы о войне грешат против истины, не доносят правду об огромной человеческой

трагедии, участником которой ему довелось быть в юном возрасте. Он скептически относился к повестям на партизанскую тему писателя Ади Шарипова, других бывших «лесных воинов», позднее получивших признание властей. В то же время, будучи человеком широкой души, пытался найти оправдание легковесным произведениям, ссылаясь при этом на специфику военной историографии во время хрущевской оттепели.

Дело в том, что во времена правления Н. Хрущева военные историки, пытаясь по его указке принизить огромную роль выдающихся военных руководителей — маршалов Г. Жукова, К. Рокоссовского, И. Конева и других военачальников в победе над Германией, неоправданно выпячивали действия партизанских соединений. Некоторые историки договорились до того, что именно партизаны сыграли решающую роль в победе над врагом. Это был явный перебор, хотя никто не сомневался в больших заслугах народных мстителей. Участники войны, в том числе Кемель Токаев, понимали, что решающий вклад в победу над фашистской Германией внесли регулярные войсковые подразделения.

Как было уже сказано, в военных госпиталях Гомеля и Омска отец прошел основное лечение, хотя врачи постоянно напоминали ему о необходимости ампутации ноги. Отец всячески противился этому, настаивал на продолжении лечения. В конечном счете его упорство обернулось удачей. Он попал в поле зрения молодого хирурга, который уже в те годы проводил эксперименты по вытягиванию костей. Спустя 30 лет этот метод был признан в мировой медицине как «метод Илизарова». Автор этого аппарата, хирург из Кургана Г. Илизаров, был удостоен за свое изобретение Ленинской премии, о нем много писали, снимали фильмы.

А тогда, в конце войны, молодой хирург работал на свой страх и риск, по сути дела, он проводил клинические испытания. Этот смелый специалист сказал отцу, что попробует сохранить ему ногу, наложив на нее специальный аппарат-шину. Весь расчет строился на том, что молодой организм справится с экстремальной ситуацией, и кость начнет срастаться.

Более трех долгих месяцев отец провел на больничной койке, разрабатывая раненую ногу. И его надежды оправдались — после долгого лечения он все же смог встать на костыли. Нога была спасена!

После такого удачного исхода отец был направлен в военный госпиталь в Алма-Ате, которым руководил А. Сызганов, будущее медицинское светило. В этом госпитале продолжили эксперимент по искусственному сращиванию кости. Через полгода отец уже мог более-менее сносно передвигаться на костылях.

Из войны он вышел инвалидом II группы, без собственного жилья, образования и работы. Нужно было начинать жизнь сначала. Полагаться на кого-либо не приходилось, потому что оставшиеся в живых родственники жили в сельской местности и сами с трудом сводили концы с концами.

Отец рассказывал мне, что он искал работу на вокзале, но найти ее было очень трудно, везде требовались здоровые люди, а вернувшихся с фронта бойцов с тяжелыми ранениями особо не привечали. Со временем он нашел родственников недалеко от Алма-Аты. Они, конечно, приютили его, но при этом гостеприимством не отличались.

В такой обстановке отец долго жить не мог, хотел учиться в городе. Но «сердобольные» родственники постоянно твердили, что инвалиды войны никому не нужны, в институты их, мол, не при-

нимают, на работу не берут. Всячески уговаривали отца остаться в их доме и заняться уходом за их домашним хозяйством.

Но отец принял твердое решение подлечить ногу, поехать в город и попробовать поступить в институт.

В 1945 году он добился своего и поступил на первый курс филологического факультета Казахского государственного университета. Поступал туда в военной форме, на костылях.

Я уже писал о том, что суровые годы военной поры наложили твердый отпечаток на характер отца. В восемнадцатилетнем возрасте попав на фронт, он закалил свой характер, получил полное представление о сути человеческого бытия, о добре и зле, о жизни и смерти. Он стал мужественным и стойким, но не жестоким человеком, целеустремленным, но не циничным.

Как-то, в одной из бесед со мной, он сказал, что за каждым человеком наблюдают ангел и дьявол, в каждом человеке изначально борются добро и зло. При этом важно не позволить злым силам увлечь себя, уберечься от дьявольских искусов, не встать на тропу, проложенную сатаной. По молодости лет я, признаться, не понял его философских размышлений и лишь спустя много лет, изрядно познав жизнь, убедился, насколько прав был отец. Он, по существу, предупреждал меня о грядущих трудностях и опасностях.

Всю жизнь отец с большим уважением относился к фронтовикам, чтил Сталина и советских маршалов, недолюбливал Хрущева, а также «борзописцев», писавших неправду о войне. Помнится, в 1965 году мы с ним наблюдали военный парад, посвященный 20-летию Победы над фашистской Германией. Чеканный шаг солдат и торжественная музыка произвели на отца сильное впечатление. Он, тогда еще молодой человек, прослезился

и сказал мне: «Не зря воевали. Жалко, что многие фронтовики не увидели всего этого».

До конца жизни для отца главным праздником был День Победы. К этому празднику вся семья готовилась заранее и очень тщательно. Мама знала, что отец пригласит к нам домой всех своих друзей и знакомых, имевших то или иное отношение к войне. Фронтовое братство он ценил превыше всего, считал, что участники войны заслуживают особого уважения и доверия, им можно поручать важные дела на самых разных участках работы.

В связи с 40-летием Победы отец был награжден орденом Отечественной войны I степени. Но власти города почему-то забыли пригласить его на чествование ветеранов войны. Несмотря на принятое постановление правительства об оказании особых почестей бывшим фронтовикам, в Алма-Ате в те годы началась неприятная подковерная возня по распределению квартир, автомашин, путевок в санатории и других благ. Как это часто бывает, льготы миновали стороной многих ветеранов войны, достались посторонним людям. На первый план вышли «говоруны», умевшие сладко рассказывать о своем участии в войне, но на деле не нюхавшие пороху или переждавшие военное лихолетье в глубоком тылу. Отца, как и некоторых истинных фронтовиков, обошли вниманием, но он, человек с чувством собственного достоинства, не стал обращаться к кому-либо с просьбами. В День Победы надел все ордена и медали и вышел на улицу, чтобы принять участие в народных гуляниях. В тот погожий день многие знакомые и незнакомые люди подходили к нему и поздравляли с великим праздником. Праздничное настроение уже обошло его стороной. Он, ветеран войны, был обижен отношением к себе властей, но виду не подавал. Сильный и гордый был человек.

Ему оставалось жить чуть более полутора лет.

Глава III

Тернистый путь в литературу

После долгих мытарств, связанных с тяжелым ранением, полученным на войне, и неустроенностью быта, отец все же нашел в себе силы преодолеть выпавшие на его долю невзгоды. Он твердо решил поступить в университет. После войны фронтовикам были предоставлены льготы, и отец не без оснований считал, что вполне может рассчитывать на удачу. Появление в зале, где заседала приемная комиссия, казахского парня, увешанного орденами и медалями, вынужденного пользоваться костылями после перенесенной операции, не могло не произвести должного впечатления на преподавателей вуза. Члены комиссии спросили, на каком факультете он хотел бы учиться. Стесняясь плохого русского языка, он

ответил на казахском, что еще в детстве мечтал стать журналистом. И в победном 1945 году практически без вступительных экзаменов его приняли в знаменитое учебное заведение — Казахский государственный университет им. С. М. Кирова.

Впоследствии отец не без явного удовольствия рассказал мне, что поступление в университет было, пожалуй, самым счастливым событием в его многотрудной и горестной жизни. И это вполне понятно, потому что впервые за 22 года жизни у него появилась надежда на благополучное будущее. Отец буквально бредил журналистикой, он очень хотел учиться.

Жизнь сельского обывателя нисколько не прельщала его, слишком тяжелы были воспоминания о сиротском детстве, голоде и лишениях.

По воспоминаниям отца, учиться в университете ему было трудно, но в то же время приятно и интересно. Впервые в своей неимоверно тяжелой жизни он попал в цивилизованную среду, где к нему относились с должным вниманием и пониманием. В те годы преподавательский коллектив университета был очень сильным. Лекции читали известные ученые, писатели и журналисты.

На старших курсах отцу посчастливилось слушать лекции классика казахской литературы Мухтара Ауэзова. Сама атмосфера, царившая в этом учебном заведении, располагала к глубокому изучению наук и обязательных предметов. К последним относился русский язык, который являлся своеобразным «пропуском» в высокие творческие и служебные инстанции. Без хорошего знания русского языка практически невозможно было рассчитывать на успешное продвижение где бы то ни было, особенно в системе государственных органов.

Отец с большим энтузиазмом взялся за углубленное изучение русского языка. Как я писал,

доныне сохранились многочисленные блокноты, куда он своим каллиграфическим почерком вписывал грамматические правила. Изучение русского языка, судя по отцовским записям, в те годы было поставлено на высокий уровень, методика преподавания отличалась всесторонней глубиной и в то же время доступностью.

К сожалению, этого нельзя сказать о нынешнем преподавании казахского языка в школах и высших учебных заведениях. Тем не менее определенный прогресс в этом чрезвычайно важном деле все же имеется. Наше юное поколение почувствовало интерес к изучению казахского языка, обладающего статусом государственного. Тем более Президент Н. Назарбаев четко заявил, что именно этот язык в будущем должен сплотить вокруг себя представителей всех национальностей, живущих в Казахстане. Поэтому перспектива казахского языка как государственного вполне радужная.

К слову сказать, отец после упорных занятий отлично овладел грамматикой русского языка, прекрасно излагал свои мысли на «великом и могучем», квалифицированно корректировал даже самые сложные тексты, писал на русском языке очень грамотно. Но его устная речь все-таки свидетельствовала о том, что этот язык для него не был родным, он говорил на нем с небольшим акцентом.

Его родной стихией до конца жизни оставался впитанный с молоком матери казахский язык. Он любил свой родной язык, справедливо считал его чрезвычайно богатым. По его словам, которые он часто повторял в семье, по своему многообразию казахский язык не имеет аналогов в мировой лингвистике.

Во время учебы в университете отца, конечно же, интересовали и другие дисциплины: казахская

и русская литература, философия и история. В государственном архиве хранится диплом об окончании университета, наглядно подтверждающий то, с каким рвением отец изучал эти науки. Имея за плечами горький опыт проживания в сиротском доме, обучения в интернате, участия в кровопролитных боях на фронтах войны, отец, тем не менее, успешно справлялся с программой высшего учебного заведения. В его дипломе нет ни одной тройки, всеми предметами он овладел на четыре и пять.

Студенческая жизнь отца была памятна и встречами с людьми, которые впоследствии заняли важное место в его судьбе. Во время учебы он познакомился и подружился с Саттаром Имашевым. Их сблизило фронтовое братство, ведь они, еще не «оперившись» и не вкусив всех прелестей юности, ушли воевать и там познали цену жизни и смерти. С. Имашев, по рассказам отца, был отличником и, кроме того, охотно выполнял все общественные поручения. Впоследствии это не могло не повлиять на его служебную карьеру: он был замечен партийными функционерами и, поднимаясь с одной ступени на другую, стал влиятельным человеком в Казахстане. В достаточно молодом возрасте он стал секретарем Целинного крайкома партии, затем был избран секретарем ЦК Компартии Казахстана.

С. Имашев запомнился как один из самых ярких и дееспособных идеологов республики. Во время работы на высокой должности секретаря Центрального Комитета Компартии Казахстана он многое сделал для развития культуры и искусства. Тогда, в начале 70-х годов, национальная культура переживала подлинный расцвет, она была востребована не только в СССР, но и далеко за его пределами. Выдающиеся мастера казахской культуры —

Роза Жаманова, Роза Багланова, Ермек Серкебаев, Бибигуль Тулегенова, Шакен Айманов, Асанали Ашимов и другие — были удостоены самых высоких званий, в том числе народных артистов СССР, лауреатов Государственных премий. Выходили в свет интереснейшие художественные произведения известных мастеров пера: Ильяса Есенберлина, Абдильды Тажибаева, Жубана Молдагалиева, Абдижамила Нурпеисова, Туманбая Молдагалиева, Шерхана Муртазы и других писателей. Именно в этот период проторили свой путь в большую литературу Абиш Кекильбаев, Олжас Сулейменов, Мукагали Макатаев, Аким Тарази, Мухтар Шаханов, Кадыр Мырзалиев, Кабдеш Жумадилов, Сатимжан Санбаев, Мухтар Магауин, Баккожа Мукаи, Ануар Алимжанов, Когабай Сарсекеев и другие писатели.

В большом количестве появлялись самобытные творческие коллективы, создавались театры, снимались популярные не только в Казахстане, но и за рубежом, художественные и документальные фильмы. Всесоюзную известность получили и мастера живописи. Появились талантливые архитекторы. Во всем этом была большая заслуга Саттара Имашева.

Отец всегда ценил его высокие человеческие и деловые качества. Я хорошо помню этого человека, ведь в день моего 6-летия он подарил мне игрушечный самолет, который я долго берег как ценную реликвию. После окончания университета они никогда не прерывали отношений друг с другом, хотя служебная дистанция все же давала о себе знать. Но, как бы то ни было, отец, как правило, два раза в год имел возможность видеться с секретарем ЦК С. Имашевым, и эти встречи всегда радовали и вдохновляли его. Помнится, после каждой такой беседы он возвращался домой в особо приподнятом настроении и подробно рассказы-

вал о всех деталях состоявшегося разговора. Отец лично поздравил Саттара Нурмашевича с избранием на высокий пост Председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР. К сожалению, С. Имашеву не довелось долго поработать на этом посту: не дожив до 60 лет, он после заурядной хирургической операции скоропостижно скончался. Отец сильно печалился по поводу смерти студенческого друга, считая, что судьба обошлась с ним несправедливо, ведь он ушел из жизни в самом расцвете сил.

В студенческие годы отец сблизился и с Муслимом Базарбаевым, впоследствии ставшим известным ученым-филологом, директором Института литературы и языкознания Академии наук Казахской ССР и даже членом правительства. Отец до конца своей жизни сохранял к нему особо бережное отношение. Будучи круглым сиротой, лишившись на войне единственного брата, он полюбил Муслима не только как близкого друга, но и как ниспосланного самой судьбой младшего брата. А дружить с ним было легко и приятно, так как Муслим, помимо яркой внешности, обладал веселым нравом, был энергичным и щедрым человеком. Так же, как и отец, Муслим был выходцем из сельской глубинки, в молодости неважно владел русским языком, но очень тянулся к знаниям и проявлял большие способности во время учебы в университете. Единственное, что их отличало, это то, что родители Муслима в те годы были живы и имели возможность помогать сыну. Кроме того, он по возрасту не попал на фронт, был сугубо гражданским человеком.

М. Базарбаев после окончания университета работал вместе с отцом в редакции молодежной газеты, но затем окончательно определился со своим выбором в пользу науки. В довольно ран-

нем возрасте он защитил кандидатскую диссертацию, стал заниматься переводами на казахский язык произведений классиков русской и советской литературы.

М. Базарбаев пользовался расположением и поддержкой корифея казахской литературы Мухтара Ауэзова, разглядевшего в молодом ученом будущего авторитета казахского литературоведения. Муслим Базарбаев сполна оправдал возлагавшиеся на него надежды.

С 1961 по 1970 год он возглавлял Институт литературы и языкознания Академии наук. В середине 70-х годов защитил докторскую диссертацию, хотя по уровню и объему знаний был достоин этой научной степени задолго до ее присвоения. Он первым из казахских ученых исследовал творчество опального поэта Магжана Жумабаева. Перу М. Базарбаева принадлежит множество оригинальных трудов, обогативших национальную науку. До конца жизни он остался предан любимому делу, внеся крупный вклад в казахское литературоведение. В 1981 году он вернулся в родной институт в качестве директора, завершив карьеру правительственного чиновника. Современники и коллеги М. Базарбаева хранят добрую память о нем как о великолепном ученом и разностороннем человеке.

В 1970 году М. Базарбаев возглавил Министерство культуры, где проявил себя как способный руководитель, много сделавший для развития казахской культуры. Он пользовался большой популярностью среди творческих коллективов и в писательской среде. Интересно то, что его назначение на этот высокий пост министра совпало по времени с моим поступлением в Московский государственный институт международных отношений. Помнится, первой новостью, которую отец

с удовольствием сообщил мне по прибытии из Москвы в Алма-Ату, было назначение его друга на эту должность. Отец искренне обрадовался тому, что М. Базарбаев стал членом правительства. Ведь до этого события они часто проводили время вместе, а во время командировок или отпусков умудрялись переписываться друг с другом. Но, как часто бывает в жизни, и эта, казалось, самая крепкая дружба дала трещину, скорее всего, под воздействием «внешних» факторов.

Не знаю, по какой причине, но прежние друзья стали отдаляться друг от друга, все реже становились их встречи, а к началу 80-х годов они и вовсе прекратились. Отец к тому времени тяжело переживал искусственно и непомерно раздутый скандал вокруг публикации некоторых глав его книги «Последний удар» и отлучение от государственной службы. Он, конечно, не мог не расстраиваться по поводу непонятного ему разрыва с близким ему человеком, но до самых последних дней своей недолгой жизни хранил о нем добрую память, вспоминал разные эпизоды совместного общения. Он остался верен дружбе с М. Базарбаевым: за два года до своей кончины бережно перебрал все фотографии, на которых они были запечатлены как близкие друзья, упаковал их в отдельные конверты и сдал в Государственный архив. Там они и хранятся по сей день.

Мне же довелось участвовать в похоронах М. Базарбаева в 1995 году и ходатайствовать перед городскими властями об увековечении его памяти. По-другому поступить я не мог, потому что с уходом из жизни этого незаурядного человека становилось достоянием истории все хорошее, что было связано с его деятельностью в научной сфере и в области культуры. Нельзя забывать, что Муслим Базарбаев на протяжении более пяти лет

работал министром иностранных дел Казахской ССР, войдя таким образом и в историю национальной дипломатии. Кроме того, я хотел воздать дань уважения многолетней дружбе Кемеля Токаева и Муслима Базарбаева. Их имена в свое время были своеобразными синонимами — настолько они были привязаны друг к другу. Каждый из них оставил заметный след в казахской литературе. И тот и другой остались в памяти современников как самобытные личности и как мастера своего дела, которому они посвятили свои нелегкие жизни.

После кончины М. Базарбаева его супруга Гулбараш Байтогаева, многие годы работавшая в женском педагогическом институте, выпустила книгу воспоминаний об этом интересном человеке, сумевшем создать целое направление в казахском литературоведении и оставившем заметный след в нашей культуре. Признаться, я внимательно прочитал эту книгу и узнал немало доселе неизвестных мне фактов.

Дочь М. Базарбаева, Зейнеп, пошла по стопам отца. Окончив Московский институт иностранных языков имени М. Тореза, она стала сотрудником института языкознания Академии наук Казахстана и защитила диссертацию на соискание степени доктора филологических наук, была избрана членом-корреспондентом Академии наук Казахстана.

В 2017 году в Академии наук состоялась научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения М. Базарбаева. По случаю этого знаменательного события я направил приветственное обращение.

После окончания университета в 1948 году Кемель Токаев поехал по распределению в Джамбул, где год работал в областной газете, затем был переведен в Алма-Ату в редакцию детской газеты «Қазақстан пионері». Там он получил возмож-

ность по-настоящему окунуться в журналистскую стихию, попробовать свои силы в этом интересном деле, поучиться у опытных мастеров пера. По воспоминаниям отца, обстановка в коллективе газеты была творческой и располагала к активной работе, хотя небольшой тираж и тематическая ограниченность все же давали о себе знать. Газета имела в основном детскую читательскую аудиторию, к тому же строго контролировалась Центральным комитетом комсомола. Тем не менее отец познал газетную «кухню», хорошо усвоил все нюансы, связанные с подготовкой выхода в свет подобного рода изданий.

Через несколько лет он был назначен главным редактором этой газеты. Ветераны казахстанской журналистики вспоминают, что в начале 50-х годов эта газета обрела самобытный характер и стала по-настоящему популярной. В казахских школах республики она была буквально нарасхват, дети с удовольствием читали публиковавшиеся в газете статьи, отличавшиеся свежестью подходов к освещению довольно серьезных вопросов общественной жизни страны. Кемель Токаев был избран членом ЦК комсомола республики.

Работая в этой газете, отец впервые задумался о создании художественных произведений. Тогда он еще находился в поиске актуальной темы, которая заинтересовала бы широкую читательскую аудиторию. До вступления на творческую стезю в жанре детективной литературы время еще не подошло, поэтому свою первую книгу «Звездный поход» он посвятил казахстанским пионерам. Это была его проба литературного пера. Далеко не все коллеги разделяли его желание посвятить себя писательскому делу, некоторые «критики», для того чтобы отбить у него охоту к творчеству, выступили с язвительными статьями по поводу его

первой книги. Однако отца подобного рода атаки не очень смущали. Он твердо решил стать писателем. Хотя, конечно, понимал, что это в высшей степени тернистый путь, который чреват большими трудностями, порой губительными для здоровья тех, кто решился осилить его. Надо сказать, что он не ошибся в своих предположениях. Писательский труд оказался действительно очень сложным, выход в свет произведений давался нелегко, но не из-за отсутствия мастерства, а в результате многочисленных преград, в том числе цензуры.

В моей памяти сохранились картины ночных бдений отца во время работы над художественными произведениями. В 50-е годы наша семья жила в очень стесненных жилищных условиях — мы все умещались в одной комнате коммунальной квартиры. Я просыпался и видел отца, склоненного под скудным светом настольной лампы над листами бумаги. В левой руке он держал дымящуюся папиросу, а правой выводил своим каллиграфическим почерком одно слово за другим. Затем он о чем-то задумывался, закуривал новую папиросу и, макая ручку в большую чернильницу, продолжал писать.

Через три года после издания своей первой книги отец завершил работу над очень интересным произведением, посвященным нелегкому труду сотрудников милиции. Очень удачным было название книги, оно поместилось в одно слово, но звучало привлекательно и многозначительно — «Тасқын» («Поток»). Эта повесть была тепло и с большим интересом воспринята не только казахскими читателями, но и любителями художественной литературы в Киргизии, Узбекистане и Монголии. В семейном архиве хранятся пожелтевшие от времени многочисленные письма читателей с восторженными откликами на повесть, посвященную так

называемой криминальной теме. Действительно, до публикации этой книги подобного рода художественных произведений на казахском языке, по существу, не было, отец первым вступил на эту стезю. Столь удачный подбор жанра, квалифицированный подход к освещению сложной темы, наличие привлекательной фабулы — все это обеспечило не только успех книги, но и должное место отца в казахской литературе. За ним прочно закрепилось мнение как об основателе детективного жанра в нашей литературе. За эту книгу Кемель Токаев впервые был удостоен первой премии на республиканском конкурсе художественных произведений, посвященных деятельности органов милиции. Впоследствии он еще дважды удостаивался первых премий на аналогичных конкурсах.

Обзору произведений, вышедших из-под пера отца, я намерен посвятить отдельную главу книги. Здесь же хотел бы подчеркнуть, что он относился к писательскому труду чрезвычайно ответственно и, самое главное, честно. Прежде чем приступить к написанию очередной книги, тщательно изучал большое количество материалов, в том числе предоставленных ему из архивов МВД и КГБ. С удивлением и даже с восхищением я рассматривал тысячи блокнотных листов с подробным изложением уголовных дел, которые в свое время находились в ведении правоохранительных органов республики. Особенно внимательно Кемель Токаев изучал деятельность Ораза Жандосова, первого красного комиссара Семиречья, материалы по организации убийства белогвардейского атамана Дутова. К сожалению, из-за жесткой цензуры далеко не все обстоятельства этого сложного и интересного дела вошли в роман «Последний удар». Отец, насколько мне известно, хотел подробно описать в этой книге злодейские преступления на территории Казахста-

на царского генерала Анненкова и его приспешников, но ему почему-то запретили, поскольку это, мол, внесет раскол в межнациональные отношения. Интересно, что в роли непреклонных цензоров в те годы выступали некоторые руководители отдела культуры ЦК Коммунистической партии. Впоследствии же, включившись в горбачевскую перестройку, они превратились в «демократов», охотно разыгрывали национальную карту, не думая о сохранении стабильности в межнациональных отношениях.

Кемель Токаев тщательно готовился к написанию своих произведений, работал над подлинными документами, поэтому никто не мог упрекнуть его в передергивании фактов, в увлечении пропагандистскими клише. Ни в одной принадлежащей его перу книге не содержатся восхваления в адрес коммунистической идеологии, хотя, если отец и решился бы на это, его бы поняли, ведь в ряды Коммунистической партии он вступил еще в 1944 году на фронте, перед началом очередного боя, не зная, выживет ли после схватки с фашистами. В его произведениях содержится интересный рассказ о нелегком, порой смертельно опасном труде казахстанских чекистов и милиционеров без каких-либо прикрас и преувеличений. Поэтому книги Кемеля Токаева так любили многочисленные читатели и так недолюбливали партийные идеологи.

Произведения Кемеля Токаева выходили многотысячными тиражами и не залеживались на полках книжных магазинов. Прямо противоположная ситуация складывалась с книгами официальных «классиков» и обласканных правящей идеологией авторов — их по указаниям «сверху» распределяли по библиотекам, школам и институтам. Любителей литературы, обычных читателей мало интересовали нудные рассказы о любви трактористов

и доярок, о «самоотверженной» работе партийных функционеров или же об истории установления советской власти в отдельно взятом регионе Казахстана. Читатели знали, что лучше автора «Тихого Дона» или «Поднятой целины», при всем старании скопировать стиль великого Шолохова, в нашей республике все равно никто не напишет, а после айтматовских «Джамили» и повести «Тополек мой в красной косынке» более красочно и трогательно на тему любви тоже никто не сможет высказаться. Как-то отец в семейном кругу пошутил, что за счет его книг издательства закрывают финансовые прорехи, возникающие после запланированного ЦК Компартии выхода в свет «трудов» некоторых «классиков». И в этой шутке не было ни малейшего преувеличения: много лет спустя я специально спрашивал у опытных издателей об условиях, в которых им приходилось работать, и они подтвердили, что дело обстояло именно так, как говорил отец.

Кемель Токаев получал много писем от благодарных читателей с хвалебными отзывами о его книгах и с просьбами продолжить повествование о трудной работе милиционеров и чекистов. Творчеством отца заинтересовались и американцы — из библиотеки Конгресса США и из Иллинойского университета пришли на его имя письма с просьбой направить по два экземпляра романа «Последний удар».

Надо сказать, что Кемель Токаев никогда не переоценивал собственные творческие возможности. В силу природной скромности и порядочности он, в отличие от других собратьев по перу, воздерживался от самовосхваления и популяризации своих книг. Он считал, что это неприлично и не красит писателя, оценку его творчеству должны давать читатели, а не он сам. Отец хоро-

шо осознавал, что жанр, которому он посвятил свою творческую жизнь, никогда не войдет в реестр традиционной классики, поскольку его книги адресованы массовому читателю.

И он не ошибся в своих прогнозах. Его произведения помнят и простые люди, и те, кто имеют непосредственное отношение к эпистолярному жанру. Так, популярная газета «Қазақ әдебиеті» (от 22 августа 2008 г.) опубликовала интересный материал, подготовленный журналистом Рахметали Асылбеком, под заголовком «На каком уровне находится казахский детектив?». В этой статье писательница Магира Кожахметова пишет: «Когда речь заходит о казахском детективе, на память в первую очередь приходит имя Кемеля Токаева. С каким наслаждением и интересом мы читали его произведения!» По ее словам, произведения К. Токаева отличались искрометной фабулой, интереснейшим описанием судеб главных героев, неожиданными развязками быстро развивающихся сюжетов. Ветеран журналистики Атина Жакетова подчеркивает: «На мой взгляд, в становление казахского детектива огромный вклад внес Кемель Токаев. В свое время все его произведения мы читали с большим интересом. Ему были присущи такие качества, как правдивость и справедливость». А студентка художественного института Салтанат Жаркынбекова высказала такое мнение: «Конечно, я постоянно читаю книги. Мне особенно нравятся художественные произведения на историческую тему. Детективную литературу тоже читаю. Но кроме К. Токаева, других писателей, посвятивших свое перо этому жанру, я не знаю. По-моему, на казахском языке подобные произведения уже не издаются. В магазинах и библиотеках предлагаются только книги зарубежных авторов на русском языке или же их книги, переведенные на казахский язык».

Сам же автор указанной публикации Рахметали Асылбек, анализируя нынешнее состояние казахской детективной литературы и сравнивая ее с зарубежными аналогами, подчеркивает, что именно Кемель Токаев показал всему миру, что и в нашей литературе есть такой популярный жанр. На примере известного произведения «Случай в Саргабане» («Сарғабанда болған оқиға»), в котором лихо закрученный сюжет удачно сочетается с рассказом о высокопрофессиональной работе следователей милиции, автор приходит к выводу, что творчество К. Токаева ничем не уступает популярным книгам Конан Дойля о деятельности легендарного Шерлока Холмса.

Разумеется, я благодарен всем авторам таких восторженных отзывов о творчестве Кемеля Токаева. Помимо публикаций, ко мне продолжают поступать письма любителей художественной литературы. Они с благодарностью отзываются о нем как об интересном и самобытном писателе, обогатившим казахскую литературу таким необычным для нее жанром, как детектив.

В одном из предсмертных писем ко мне он подчеркивал, что творил прежде всего для широкой читательской публики, а также «для своих детей». И надо сказать, что его трепетное отношение к своему народу воздалось сторицей. Кемель Токаев до конца своей жизни пользовался любовью и уважением практически во всех регионах республики. В Государственном архиве хранятся фотографии, запечатлевшие его рабочие поездки по различным областям. Он сумел побывать практически во всех областных центрах, часто ездил в аулы. Разговаривая с тружениками села, с рабочими фабрик и заводов, он черпал вдохновение, заряжался энергией. Эти поездки наглядно свидетельствуют о взаимной привязанности писате-

ля Кемеля Токаева и его многочисленных почитателей.

Отец всегда с искренним почтением относился к корифеям казахской литературы — Сакену Сейфуллину, Беимбету Майлину, Ильясу Жансугурову, Мухтару Ауэзову, Габиту Мусрепову, Сабиту Муканову. Он повторял, что их произведения не потускнеют многие десятилетия спустя, настолько они талантливы. Из современных писателей он выделял Абдильду Тажибаева и Абиша Кекильбаева.

Однажды я застал его внимательно читающим газету «Қазақ әдебиеті». Оказалось, отец увлекся статьей А. Тажибаева на одну из актуальных в то время тем. Я поинтересовался его мнением о том, насколько интересен и привлекателен этот материал. Он ответил, что из современных писателей мало кто способен излагать мысли так красиво, как Абдильда, который одинаково хорош и в поэзии, и в прозе.

Особое отношение он проявлял к Абишу Кекильбаеву. Отец высоко ценил его произведения за монументальную историчность и философскую глубину. Он часто говорил, что этот писатель обладает энциклопедическими знаниями в гуманитарной сфере, которые он использует в своих произведениях. По его словам, Абиша Кекильбаева ожидает счастливая писательская судьба, он будет признан классиком казахской литературы.

Спустя многие годы мне пришлось возглавить государственную комиссию по похоронам Абиша Кекильбаева. Выступая на траурной церемонии, я подчеркнул, что мы прощаемся с классиком казахской литературы, выдающимся представителем национальной интеллигенции.

Надо сказать, что отец трепетно относился к книгам как таковым, рассматривая их как источник знаний и просвещения. Несмотря на

материальные затруднения и отсутствие собственного жилья, он, тем не менее, покупал довольно много книг. И эту практику он продолжал до самой кончины. Благодаря его усилиям в нашей домашней библиотеке собралось немало интересных книг, которые я время от времени перечитываю и вспоминаю дни, когда мои родители были живы и здоровы. Возможно, отец и мама предугадывали дальнейшую судьбу этих книг, ставших связующей нитью между нами и ними, ушедшими в мир иной.

Кемель Токаев знал себе цену как писателю, никогда не раболепствовал ни перед светилами казахской литературы, ни перед высокопоставленными чиновниками. Он всегда был вежлив, скромен, но тверд и честен в своих поступках, говорил только правду, даже если она была кому-то не по нутру. Может быть, из-за этой черты характера он не смог сделать головокружительную служебную карьеру. Он хорошо понимал, что отсутствие столь необходимой для чиновничьего роста обходительности и гибкости мешает ему, но не собирался отходить от избранного поведения, считая его правильным. В семейном кругу отец пояснял, что имеет моральное право быть прямолинейным, потому что в раннем детстве остался без отца и матери, воспитывался в детском доме, не раз глядел смерти в глаза в годы войны. «Пускай меняются и приспосабливаются те, кто не имеет такого жизненного опыта», — твердо говорил он.

Глядя на некоторых наших творческих деятелей, «кочующих» из одного высокого служебного кабинета в другой, выпрашивающих награды, премии, льготы и прочее, поющих «аллилуйю» власти, а за глаза поносящих ее, я невольно вспоминаю отца и в душе благодарю его за то, что он был именно таким: гордым и ответственным за свои

поступки. Даже в годы невольной опалы, когда ему приходилось особенно трудно, отец не помышлял о том, чтобы «упасть на колени» перед кем-либо, выпросить прощения и подходящую работу. Все последние годы жизни он беспокоился только обо мне, опасался, что его проблемы во взаимоотношениях с руководством республики могут негативно повлиять на мою работу в союзном министерстве. Эти опасения были оправданы, поскольку тайным и явным недоброжелателям отца очень не нравилось, что его сын работает в Москве и абсолютно независим от республиканских чиновников. К счастью, руководству МИД СССР не было дела до «местечковых» интриг, в те годы людей оценивали, прежде всего, по деловым и моральным качествам.

Кемеля Токаева не могла не волновать проблема перевода его произведений на русский язык. Привлекать к этой работе московских переводчиков у него не было материальных возможностей, поэтому приходилось обходиться услугами местных литераторов. Процесс перевода был достаточно трудоемким, вначале выполнялся подстрочный перевод, затем старались найти ему некое подобие художественной формы в соответствии со стилистикой русского языка. Но, к сожалению, последний этап перевода зачастую страдал низким качеством, складывалось впечатление, что рука переводчика так и не касалась подстрочника. Как результат такого прохладного и непрофессионального отношения переводчиков к своему делу — книги Кемеля Токаева в русском варианте многое теряли, прежде всего, с точки зрения художественности. Отец, как мог, пытался исправить погрешности в переводах, подолгу засиживался над текстами, но в одиночку, к тому же не имея соответствующих навыков, довести до совершен-

ства свои произведения, адресованные русскоязычным читателям, конечно, был не в состоянии.

Тем не менее книги Кемеля Токаева выходили массовыми тиражами и, как уже было сказано, не залеживались на полках книжных магазинов. Такой успех у читателей не мог не вызвать зависти и недоброжелательного отношения к отцу со стороны идеологических работников и некоторых писателей. Кто-то считал, что автор книг приключенческого жанра незаслуженно получает «баснословные» гонорары, другие же полагали, что детективная литература затмевает «классику», читателям, мол, прививают «дурной вкус». Один из писателей (впрочем, я знаю его фамилию) даже сподобился организовать публикацию подметного письма в московской «Литературной газете» с жалобой на писателя К. Токаева, мол, его произведения незаслуженно заполонили все книжные рынки. К счастью, этот пасквиль не поколебал любви и доверия многочисленных читателей к его творчеству. А тот писатель до сих пор живет и здравствует, продолжая заниматься излюбленным ремеслом. Бог ему судья.

Завистников, конечно же, не интересовало мнение самих читателей, за них все решала официальная идеология, по вердикту которой читающий люд в первую очередь должен знакомиться с произведениями, воспевающими деяния советской власти и партийных работников. Поэтому отцу, прежде чем выпустить книгу, приходилось доказывать в партийных инстанциях ее актуальность, преодолевать многочисленные преграды, чинимые цензурой. Видя, с какими трудностями дается отцу публикация собственных произведений, мы полушутя-полусерьезно предлагали ему перейти на любовную или же партийную тематику — там цензоры бессильны. Отец в таких случаях лишь от-

махивался, говорил, что лучше быть первопроходцем в жанре приключенческой литературы, нежели художественно компилировать произведения признанных советских писателей.

В семейном архиве хранятся копии писем руководителей цензурных органов с заключениями на книги отца. Эти документы наглядно свидетельствуют о том, как рьяно цензоры обрабатывали рукописи его книг. В одном из писем по поводу романа «Последний удар» говорится, что автор произведения квалифицированно осветил деятельность советских органов безопасности, не допустив при этом разглашения данных, представляющих государственную тайну. Остается только удивляться тому, как Кемелю Токаеву удалось сделать это, ведь эта книга отличалась редкой достоверностью, в ней были использованы архивные материалы КГБ.

Надо сказать, что большую моральную поддержку отцу оказывало Министерство внутренних дел, трижды удостоив его первых премий на литературных конкурсах, посвященных деятельности сотрудников милиции. Он гордился званиями лауреата, считал их очень почетными. До конца жизни отец не расставался со значком «Отличника милиции». Руководство МВД считало нужным приглашать его на встречи ветеранов милиции с молодыми сотрудниками. После таких встреч отец возвращался домой воодушевленным и взволнованным. Его искренне радовало внимание и благожелательное отношение МВД к нему, тем более что в последние годы жизни ему так недоставало активного общения с людьми.

Работая в Государственном архиве, я обнаружил интересный документ — совместное решение коллегии КазССР и Союза писателей Казахстана от 16 декабря 1975 года, подписанное министром

М. Есбулатовым и первым секретарем правления Союза писателей А. Алимжановым. Коллегия решила утвердить новый состав секции Союза писателей Казахстана по связям с органами внутренних дел. Председателем секции был назначен Кемель Токаев, его заместителем — заместитель министра внутренних дел А. Е. Жданов. В состав секции, помимо опытных милицейских работников, вошли писатели К. Исабаев, О. Канахин, Б. Тлегенов, Е. Аукебаев, П. Косенко.

Возвращаясь к теме казахстанского общества, следует сказать, что оно в начале 80-х годов пришло в движение, ветры грядущих перемен не могли обойти стороной и нашу республику. Кто-то с надеждой, кто-то с тревогой ждал новостей из Москвы, ведь именно из Белокаменной расходились по всей стране общественно-политические импульсы. Тогда еще никто не мог предположить, что спустя всего лишь несколько лет столь долго ожидавшиеся перемены обернутся трагедией в декабре 1986 года. До этих печальных событий отец не дожил, он скончался за месяц с небольшим до того, как казахская молодежь, справедливо возмущенная пренебрежительным отношением Кремля к чаяниям родного народа, выразила свой решительный протест.

Что бы ни говорили теперь о восставших молодых людях, кто бы ни пытался обратить их открытый и смелый вызов власти в свою пользу, пытаясь сделать на этом карьеру, но именно эта часть казахской молодежи, и никто другой, стала предвестницей новой исторической эпохи. Демонстрации в центре Алма-Аты совпали по времени с 40-дневными поминками по отцу, что не могло не сказаться на атмосфере традиционного мероприятия. Приходившие высказать свои соболезнования и помянуть отца люди в беседах друг с другом

так или иначе касались этой темы. Обратило на себя внимание, что люди выглядели потрясенными, ведь уже начались массовые репрессии, молодых людей жестоко избивали прямо на улицах. Многие гости искренне сожалели, что Кемель Токаев не дожил до этих дней, поскольку он, в силу своей прямоты и честности, не остался бы в стороне, высказался бы в поддержку демонстрантов.

Спустя некоторое время, когда Москва начала налаживать «порядок» в Казахстане, некоторые представители нашей творческой интеллигенции стали буквально наперегонки выступать в поддержку партийного курса, ставя свои подписи под заявлениями, осуждавшими «казахский национализм». Спустя годы некоторые писатели предпочли не вспоминать об этом не самом лучшем эпизоде в своей жизни. А в те смутные годы гражданское мужество проявили лишь единицы, в том числе, судя по воспоминаниям современников, Жубан Молдагалиев, Сафуан Шаймерденов. Говоря об этих событиях, меньше всего хотел бы кого-то осуждать: у меня нет на это морального права. Просто те, теперь уже далекие, события подтверждают старую истину о том, что глашатаи официальной идеологии зачастую подвержены конъюнктурным настроениям.

События 1986 года стали своего рода экзаменом на гражданскую зрелость и моральную чистоту всего казахстанского общества. К сожалению, было немало тех, кто не выдержал жизненного «теста», но в целом наш народ с честью преодолел этот труднейший в его многолетней истории период. Не случайно во многих политологических работах, издающихся за рубежом, отсчет распада СССР ведется именно с событий в Алма-Ате.

Наше государство по достоинству оценило героизм казахской молодежи. Президент Н. Назарбаев

присвоил безвременно погибшему в милицейских застенках Кайрату Рыскулбекову высокое звание «Халық қаһарманы». Были отмечены и другие участники декабрьского восстания. Проводится большая работа по увековечению в памяти народа подлинного героизма казахской молодежи, бросившей вызов тоталитарной системе. Ни в коем случае нельзя забалтывать этот вопрос, нельзя идти на поводу у тех, кто решил сделать себе имя на данной трагедии. Здесь должна восторжествовать историческая справедливость. Участники тех событий заслуживают этого.

Говоря о творческой деятельности Кемеля Токаева, хотел бы подчеркнуть, что он был фанатично предан своему делу и потому отличался редкой работоспособностью. Надо помнить, что вплоть до 1980 года он постоянно трудился в государственных органах, будь это редакции газет «Қазақстан пионері», «Лениншіл жас», «Социалистік Қазақстан» или Президиум Верховного Совета Казахской ССР. Это означало высокий уровень самодисциплины. Данное качество было присуще отцу до конца дней его жизни.

Возвращаясь после работы поздно вечером, он после ужина и просмотра телевизионных новостей, как правило, засыпал, но уже в три часа ночи был на ногах. Умывался, пил чай и садился за работу. В ответ на наши недоуменные вопросы по поводу казавшегося нам странным режима он говорил, что не представляет себе жизни без творческой работы. До самого утра он читал, писал от руки или же печатал на машинке. А в 8 часов утра неизменно был готов пойти на службу. Причем всегда выглядел опрятным и подтянутым, его невозможно было представить идущим на работу в мятом костюме или несвежей рубашке. Разумеется, основную лепту в обеспечение внешнего об-

лика отца вносила мама, которая неустанно приводила в порядок его личные вещи. У отца никогда не было много одежды — не более трех костюмов и от силы пять рубашек. Помнится, во время работы в Сингапуре я прислал отцу сшитые на заказ белые и голубые рубашки, несколько галстуков. Он был несказанно рад этому подарку, хотя, скорее всего, его обрадовали не столько сами вещи, сколько тот факт, что его сын работает дипломатом и при этом не забывает проявлять должное внимание к отцу.

Еще один факт, ярко свидетельствующий о трудолюбии и скромности Кемеля Токаева: он ни разу в жизни не выезжал за пределы Алма-Аты на отдых! Сейчас это трудно себе представить, но отец так и не побывал ни в Крыму, ни даже на Иссык-Куле. Лишь в середине 70-х годов он изредка отдыхал в санатории «Алма-Ата», где не прерывал работы над художественными произведениями. А в свободное время играл в бильярд или шахматы. Не чурался и преферанса — в те годы популярной картежной игры среди писателей и чиновников (слово «чиновник», замечу, вошло в обиход совсем недавно, в 70-х годах использовалось другое слово — «ответработник»).

Только трудолюбием можно объяснить то очевидное обстоятельство, что Кемель Токаев успешно совмещал служебную и творческую деятельность. В те годы это было редкостью, очень мало людей, находившихся на государственной службе, занимались написанием художественных произведений. А то, что это была чрезвычайно сложная, трудоемкая работа, я лишний раз убедился, посетив Государственный архив. Там, в личном фонде К. Токаева, я обнаружил около 10 папок с рукописями книг, рабочими блокнотами с выписками из секретных архивов КГБ и МВД. Усидчивость отца,

скрупулезно записывавшего все необходимые данные и тщательно работавшего над рукописями книг, не может не вызывать удивления и уважения.

После публикации романа «Последний удар», получившего хорошие отзывы критиков и многочисленных читателей, отец подумывал о работе над автобиографическим произведением. Собственно говоря, к этому он был давно готов. Материал, как говорится, лежал на поверхности. Он помнил свою нелегкую, полную лишений жизнь, до мельчайших подробностей, оставалось лишь сесть за письменный стол и изложить на бумаге все, что довелось пережить. И он сделал это, причем сделал на весьма высоком творческом уровне. Роман «Солдат ушел на войну» — так называется это мемуарное произведение отца — поражает своей исторической достоверностью.

Выполнить эту задачу было очень трудно, ведь нужно было решиться рассказать правду о последствиях коллективизации в Казахстане, приоткрыть завесу тайны о войне, без традиционного приукрашивания, правдиво рассказать о битве Советской Армии с фашистскими агрессорами. Отец говорил нам, что казахстанские писатели так и не смогли достоверно довести до читателей всю горькую правду о прошедшей войне. Исключение составили Бауыржан Момышулы и Дмитрий Снегин, но они творили строго в рамках официальной идеологии и были вынуждены недоговаривать. По его мнению, многие книги грешили лакировкой действительности, авторы рассказывали о войне чуть ли не как о приятной прогулке, при этом забывая сказать, что победа далась ценой огромных жертв. В Отечественной войне, подчеркивал отец, как и в каждой войне, было все: героизм и малодушие, стратегическая прозорливость и элемен-

тарная глупость командиров, наступления и отступления, вера в окончательную победу и пораженческие настроения.

Мне лично роман «Солдат ушел на войну» импонирует тем, что он на редкость правдив. Последний фундаментальный творческий труд Кемеля Токаева — это, по сути дела, летопись одного из сложнейших периодов истории казахского народа, неотъемлемой частью которого был он сам. Я часто беру эту книгу в служебные командировки и в свободное от встреч и переговоров время с душевным удовлетворением вновь и вновь перечитываю ее.

Был ли доволен Кемель Токаев своим личным творчеством? На этот вопрос ответить довольно сложно. Как человек в высшей степени самокритичный, он, конечно, придерживался мнения, что мог бы написать многие вещи лучше и объемней, с другой же стороны, понимал, что трудился в очень специфическом жанре, где правили бал свои законы: нужно было привлечь внимание массового читателя, не утратив при этом главные черты, присущие художественной литературе. На мой взгляд, с этой нелегкой задачей он справился как нельзя лучше, его книги никогда не были чтивом, а стали образцом высокого творчества в таком популярном жанре, как детектив. Кемель Токаев никогда не стеснялся этого слова, всегда подчеркивал особое место приключенческого жанра в литературе. Он не без основания гордился тем, что его называли основоположником детективного жанра в казахской литературе.

Глава IV

Творчество Кемеля Токаева

Каждый человек в принципе обязан чтить память отца и матери. Если это так, то любая связанная с ними вещь обретает для него особую ценность. Поэтому для меня так дороги и так бесценны книги, написанные отцом. Время от времени я перечитываю их. И тогда перед моим мысленным взором предстает образ отца, который до самого утра засиживался за письменным столом. Я вижу его задумчивый взгляд, упершийся в листы бумаги. Мне всегда казалось, что за работой он как бы покидает нашу грешную землю и парит где-то высоко в небе. У всех книг, вышедших из-под его пера, своя судьба и своя история.

Выход в свет каждого произведения был радостным событием для всей нашей семьи. Отец

же никогда не позволял себе публично демонстрировать свои эмоции, был сдержан в проявлении личных чувств, но по завершении тяжелого труда над каждой книгой, которой предстояло выйти на суд читателей, все же не мог скрыть своего удовлетворения. Сказать, что он не радовался появлению своих книг на полках магазинов, значит, погрешить против истины.

Это чувство знакомо и мне, оно не раз посещало меня после выхода книг, посвященных вопросам международных отношений. В то же время я, похоже, перенял у отца такое качество, как самокритичность.

После выхода в свет книги каждый раз сожалею, что те или иные эпизоды мог бы написать лучше, элегантней. И Кемель Токаев часто брал в руки свои уже опубликованные произведения и начинал вносить правки в типографские тексты.

Я уже говорил, что в нашем доме всегда было много книг. С детства я и мой брат, так же как и сестры, имели вкус к художественному слову. Мы много читали и по школьной программе, и для души. Телевидение в то время еще не обладало столь всепоглощающей силой, которую оно обрело в наши дни, формируя мировоззрение людей. В те годы главным источником информации были книги.

Чтение книг привело меня к мысли связать свое будущее с международной журналистикой. В ранней юности мне очень хотелось стать зарубежным корреспондентом какой-либо крупной газеты. Затем я сказал отцу, что хотел бы поступить в Московский государственный институт международных отношений. Это стремление было горячо поддержано им. Он порекомендовал мне написать письмо в приемную комиссию института, что я и сделал. Помнится, писал я его очень долго,

испортив не один лист бумаги. Это было мое первое обращение в официальные инстанции, поэтому оно так осело в памяти. К моему удивлению, через пару недель на это письмо пришел ответ из института с разъяснениями о том, какие экзамены следует сдать в Москве. Но тот юношеский порыв стать журналистом все же дает о себе знать, очень часто я засиживаюсь за письменным столом, работая над книгами, статьями, интервью.

Я отнюдь не претендую на всесторонний анализ писательской деятельности отца, поскольку изначально не ставил перед собой цели вести исследование его творчества. Это работа искушенных критиков. Просто считаю своим долгом рассказать читателям о писателе Кемеле Токаеве.

Известно, что выучиться на писателя невозможно. Творчество — это дар, ниспосланный свыше. И достичь успеха сможет только тот человек, который осенен этим даром, но в то же время работает над совершенствованием своего мастерства денно и нощно. Выдающийся изобретатель Томас Эдисон как-то метко заметил: «Гений — это 1 процент вдохновения и 99 процентов пота». Порой творческие деятели не используют в полную силу дарованные им самой природой способности. Как правило, это случается с людьми, которые были обделены событийной биографией. Они ощущают недостаток жизненного материала, который мог бы стать основой их художественного творчества. Немало в истории всемирной литературы, в том числе казахской литературы, и таких авторов, которые, обладая большим талантом, не выдерживали темпа жизни, выдыхались на середине пути и оставшуюся жизнь просто почивали на лаврах. И, наоборот, можно привести немало примеров, когда писатели, обладавшие по сравнению с другими меньшим талантом, благодаря своему бога-

тому жизненному опыту и трудолюбию достигали вершин творчества.

Возвращаясь мыслями к Кемелю Токаеву, хотел бы вновь отметить, что он прожил очень сложную жизнь, наполненную драматическими, порой трагическими событиями. Каких только трудностей и горестей он не пережил в своей жизни! Судьба двух родных братьев, еще неокрепшими мальцами лишившихся родителей и оставшихся круглыми сиротами, могла бы стать сюжетом нескольких книг. Братья выжили, поддерживая друг друга в тяжелейшее время, когда народ вымирал от массового голода, а кругом бушевали эпидемии. Выжили, потому что попали в детский дом. Известно, какие порядки царят в таких учреждениях. В лидеры там, как правило, выбивались твердые, целеустремленные дети.

Судя по рассказам отца, он с раннего возраста боролся «за место под солнцем», стремился к утверждению собственной личности в жестоком коллективе. В то же время его еще неокрепшая душа была уязвима и открыта любому проявлению доброты и сострадания. Она жаждала родительской ласки, и поэтому ее обволакивала глубокая печаль. Но, окунувшись в бурно кипящий котел самостоятельной жизни, он рано повзрослел и закалился. И это помогло ему в преодолении многочисленных трудностей уже во взрослой жизни, будь то на войне или гораздо позднее, когда ему приходилось сталкиваться со многими проявлениями человеческого немилосердия и несправедливости.

Отца и мать ему заменило государство. Все самое хорошее в своей жизни он познал от государства, поэтому и не мыслил себя вне родного Отечества. Для отца понятие Родины было святым. Как бы он ни обижался на некоторых людей,

олицетворявших власть, он никогда не сомневался в святости родной земли и родного народа, был настоящим патриотом Казахстана.

Кемель Токаев был напрочь лишен собственнической психологии, всегда превыше всего ставил интересы общества и государства. Могу привести интересный пример: он несколько раз отказывался от дачного участка, который предлагался ему профсоюзной организацией бесплатно как ветерану Отечественной войны. И то, что его выбор пал на приключенческий жанр, думаю, объясняется именно этой стороной его характера. В произведениях Кемеля Токаева постоянно присутствует непримиримый конфликт между государственными интересами и стремлением отдельных людей к непомерному обогащению. Человеческая история не раз доказывала, что, если такие люди не встречают сопротивления со стороны общества, их корысть перерастает в непомерные амбиции, в том числе и политические, которые начинают вредить интересам государства. В таких случаях общество лишается покоя, нарушается его внутренняя гармония, наступает, как сейчас принято говорить, дестабилизация, жертвой которой становится весь народ.

Кемель Токаев, сызмальства лишенный отцовской защиты и материнской любви, очень рано ощутил такую несправедливость. Он не понаслышке познал людскую жестокость, поэтому так тяготел к справедливости, состраданию. Он был принципиальным, строгим, но не жестоким человеком. Эти присущие ему человеческие качества, конечно же, отразились на его творчестве. Несмотря на то, что в некоторых его книгах присутствовало описание сцен насилия, неизбежное при расследовании преступлений, тем не менее, творчество Кемеля Токаева было пронизано идеями гуманиз-

ма. На мой взгляд, это в высшей степени важное обстоятельство, принимая во внимание то, что он был основоположником нового «криминального» направления в казахской литературе.

Писателей, как известно, немало, многие из них хорошие. Однако отдельные литераторы, которых в свое время восхваляли как «приверженцев производственной тематики» и «певцов социализма», сегодня почти забыты. Причина этого явления в том, что поднятые авторами проблемы не выдержали испытания временем, морально устарели. Эти писатели обманулись в выборе, увлекшись проблемами, которые имеют лишь сиюминутное значение.

Во времена Чехова жил и творил действительно хороший писатель Григорович, которому предсказывали большое будущее. Сейчас же его имя помнят только специалисты — литературные критики и ученые. Александру Фадееву советская идеология присвоила титул классика, но в нынешние времена его «Молодую гвардию» мало кто знает, а произведениями Ахматовой, Мандельштама, Пастернака и Шолохова по-прежнему интересуется множество любителей литературы.

Ни в коем случае не ставлю Кемеля Токаева в один ряд с перечисленными выше корифеями, но приятен тот факт, что многие люди все же помнят его книги. В произведениях, появившихся из-под пера отца, главные герои будто вышли из реальной жизни, они узнаваемы и понятны массовому читателю. Писатель старался показать их такими, какими они могли бы быть, находись они рядом с нами. Без «косметики», излишнего пафоса. Прежде всего, это касалось милицейских работников и чекистов. Кемель Токаев сумел отойти от привычного для советской детективной литературы стереотипа сотрудников правоохранительной

системы. Они показаны без сияющего нимба над головой, как обычные трудяги.

Заново знакомясь с произведениями Кемеля Токаева, я невольно задумываюсь о том, что в какой-то мере он опередил время. Пройдя сквозь сито отцовских размышлений, персонажи его книг были плоть от плоти людьми со всеми их достоинствами и пороками.

Литератор в процессе работы над книгой как бы вживается в роль всех своих героев, он живет их жизнью. Безусловно, это не каждому по силам, такое сопереживание своим героям подвластно лишь настоящим творцам. В то же время меня не может не волновать вопрос: как же Кемель Токаев, человечный по своей натуре, с высоко развитым чувством сострадания, создавал правдивые образы закоренелых преступников? Думаю, что эта часть его творчества нуждается в глубоком осмыслении. Во многих отношениях он был загадочным человеком. В нем поселилась какая-то тайна — во всяком случае, мне так часто казалось. В равной мере он был противоречивым человеком, и это тоже черта необычных людей, ярких индивидуальностей. Отец был веселым и печальным, выдержанным и эмоциональным.

При жизни он открыл для меня многие тайны своей жизни, но, думаю, не меньше осталось и сокровенного, о котором он поведать не успел. Вспоминая наше общение, я сожалею о том, что оно становилось все более редким. Не зная толком, что меня ждет в будущем, я уехал учиться в Москву и только во время каникул приезжал в Алма-Ату к родителям. После завершения учебы началась моя кочевая жизнь по зарубежным странам, и это не могло не сказаться на нашем общении.

Кемель Токаев был истинным интеллигентом. Никогда не сплетничал о людях, не говорил лиш-

него, никогда не выплескивал наружу обид и огорчений. Наверное, на это способен далеко не каждый. Невозможно представить, чтобы он написал жалобу на кого-либо из коллег-писателей в ЦК партии или КГБ.

Или же организовал какую-нибудь пасквильную публикацию. А такие люди в творческой среде были, их имена известны. Уже в период независимости Казахстана они с удовольствием начали проклинать тоталитарное прошлое и учить молодежь патриотизму и другим добродетелям.

Отец всегда переживал за других людей, которые оказались в трудной ситуации или в неловком положении. Как-то я стал свидетелем шахматной партии между ним и одним известным писателем. Отец явно выигрывал, его преимущество было бесспорным, но к концу партии он сам же уравновесил позиции шахматных фигур и свел игру к ничьей. На мой удивленный вопрос, почему он это сделал, отец ответил: «Нельзя ставить человека, тем более такого известного и уважаемого, в неловкое положение, особенно в твоем присутствии». Для меня это высказывание стало большим жизненным уроком.

Герои его книг во многом похожи на него, они сдержанны и благородны, спокойны по характеру, щедры и добры по отношению к людям.

Я далек от безоглядного восхваления Кемеля Токаева. В конце концов, мои размышления об отце несут на себе отчетливую печать сыновнего почтения, другими словами, субъективны. Но это вполне естественно, во всяком случае, такой подход можно понять и оправдать. Ведь детям присуще стремление видеть в своих родителях только хорошее. Поэтому я подхожу к его творчеству именно с этих позиций, даю ему собственную оценку.

Кемель Токаев, живший в советскую эпоху, не был слепым проводником ее идей. В предыдущей главе я уже сказал, что ни в одном из его произведений не содержится восхвалений в адрес коммунистической идеологии. Перечитывая его книги, я отчетливо осознаю, что их главным героем был Человек с его внутренним миром и душевными переживаниями, с его радостями и печалями. Разнородные судьбы, непохожие образы. Я, конечно, не смею утверждать, что все они, как один, без какого-либо изъяна. Тем не менее большинство его сочинений, увидевших свет в разные годы, выдержали испытание временем. Как оказалось, и сегодня есть немало читателей книг писателя Кемеля Токаева.

Действительно, читая его произведения, невольно впадаешь в раздумья, душа болит за судьбы тех, кто стал объектом насмешек и издевательств, печалит и удручает жестокость, вышедшая за рамки преступного мира и поглотившая общество. В каком-то смысле Кемель Токаев проявил удивительную прозорливость, он предупреждал о том, что человечество ожидают крупные потрясения, подрыв доверия к традиционным устоям и высокой морали повлечет за собой тотальный нигилизм и депрессию.

В первом значительном произведении отца — повести «Поток» («Тасқын»), созданной еще во второй половине 50-х годов прошлого века и посвященной деятельности правоохранительных органов, правдиво показана жизнь во всех ее проявлениях. Переплетение судеб, множество разнообразных и загадочных событий сразу увлекают читательское внимание. Со времени выхода в свет этого произведения прошло почти полвека. Взаимоотношения в обществе коренным образом изменились, да и сами люди сильно изменились. Но-

вый взгляд на современный миропорядок не мог не оказать обновляющего воздействия на содержание и характер литературы. Выросла убедительность художественной мысли в казахской литературе, усилиями целого ряда мастеров было создано немало достойных произведений. Казахская литература поднялась на более высокий уровень. Считаю, что казахские писатели ничем не уступают зарубежным коллегам, а по глубине мышления и оригинальности стиля зачастую превосходят их. Проблема состоит в том, что их произведения малоизвестны за рубежом по причине отсутствия качественного перевода, прежде всего, на английский язык. И на русский язык тоже. Если только недавно «Путь Абая» М Ауэзова был удостоен более или менее высокохудожественного перевода, то что говорить о современных казахских писателях! Если мы сами не будем оценивать наших литераторов по достоинству, то разве можно ожидать этого от зарубежных критиков и читателей? Ни в коем случае нельзя предавать забвению тех, кто своим трудом создавал основу современной казахской литературы. В этой связи не могу не задаться еще одним вопросом: как можно восхищаться низкопробной книжонкой Пауло Коэльо, который свои путевые заметки о Казахстане назвал «романом», и в то же время не замечать действительно яркие произведения казахских писателей?

Говоря о прошлом, не стоит фонтанировать бездумными оценками, ибо без вчерашнего нет настоящего. Мы должны с уважением относиться к пройденному. Как бы ни изменилась жизнь, как бы качественно ни выросло сознание человека, наше прошлое — это духовное богатство, созданное силой и энергией, разумом и интеллектом наших отцов, и его ни в коем случае нельзя отбрасывать в небытие.

Как я уже сказал, Кемель Токаев занимал свою нишу в литературе. Никто не может отрицать, что есть особенности художественного творчества, свойственные только ему. В этом смысле Кемель Токаев — неповторимый писатель. Убежден, что рожденные его пером книги «Последний удар» («Соңғы соққы»), «Солдат ушел на войну» («Солдат соғысқа кетті»), «Выпорхнувшая из гнезда птица» («Ұясынан безген құс»), «Таинственный след» («Көмескі із»), «Меченое золото» («Таңбалы алтын»), «Ночной выстрел» («Түнде атылған оқ»), «Происшествие в Саргабане» («Сарғабанда болған оқиға») по сей день популярны и будут интересны еще не одному поколению читателей.

Особо хотел бы остановиться на романе «Последний удар». Помню, литературная критика оценила его положительно, подчеркнув, что это настоящий детективный роман, один из немногих в казахской литературе. Не скрою, когда отец начал работать над книгой, меня обуревали сомнения: «Что из этого выйдет? Фильм «Конец атамана» уже на экранах, фабула романа широко известна». Рад, что ошибся в своих сомнениях, поскольку печатная версия событий, связанных с ликвидацией атамана Дутова, превзошла все ожидания. Роман удался!

Дело в том, что в фильме было высказано множество спорных мнений и версий. На страницах периодической печати в то время рассуждали и о том, что «исторические факты в фильме искажены, на самом деле все происходило иначе». Нужна была смелость, чтобы вернуться к этой теме, когда еще не утихли споры. Другими словами, отец сильно рисковал. Но он без колебаний принялся за работу, потому что верил в себя. Все свободное время, включая субботние дни, активно трудился в архивах КГБ и МВД, собирая буквально по крупицам

необходимые сведения. Глядя на эти танталовы муки, я вспоминал знаменитое изречение выдающегося мастера пера Томаса Манна: «Писатель — это человек, которому писать гораздо трудней, чем другим людям». Труд Кемеля Токаева в конце концов был вознагражден. О романе в прессе заговорили как о самобытном явлении в казахской литературе.

В то время я работал в Сингапуре. Прочитав роман «Последний удар», счел необходимым написать отцу и похвалить его произведение. Помнится, я даже сказал, что эта книга — лучшая из всех его произведений. Отец обрадовался такой оценке, подчеркнув в ответном письме, что много сил вложил в создание этого романа.

Роман начинается весьма бурно. Телеграммы, пришедшие из областного ревкома в уездное отделение милиции, сразу вводят читателя в самую гущу событий. Этот прием автор, на мой взгляд, использовал очень умело и эффектно. Вообще, для всех произведений Кемеля Токаева было характерно стремительное развитие сюжетных линий. И в этом романе он не отступил от привычного темпа. Бурно развивающиеся события постоянно держат в напряжении, а живые диалоги будоражат воображение читателей.

Панорама жизни, охваченная романом, очень широка. Она не ограничивается атаманом Дутовым и немногочисленной группой чекистов, заинтересованных в его уничтожении. Чтобы правдиво и полно показать реалии постреволюционной эпохи, Кемель Токаев всесторонне исследовал жизнь народа, быт и будни аула той поры, отобрав для книги наиболее ценное и необходимое. При этом писатель не пренебрегает и незаметными на первый взгляд деталями жизни людей, ввергнутых в водоворот революции.

Автор хорошо чувствует дыхание истории, психологическое состояние общества того времени.

После установления советской власти Казахстан, особенно регион Семиречья, не сразу успокоился и примирился с новой жизнью. Белогвардейцы, отступавшие из внутренних областей, прошли и через земли Семиречья. О том, какие бедствия и разрушения нанесла этому краю в течение полутора лет степная дивизия атамана Анненкова, свидетельствует сама история. Тогда головорезы вспарывали животы беременным женщинам, затем трупы сбрасывали в озеро Алаколь. Молодых женщин и несовершеннолетних девочек, не таясь, на глазах родственников, подвергали постыдному насилию. Мирные казахские аулы уничтожались буквально на корню. Это не могло не вызывать справедливого возмущения местного населения, которое восставало против казачьих военных соединений.

Именно в это время разрозненно бежавшие части белой гвардии, вновь объединившись, пытались перейти в контрнаступление. Армия атамана Дутова была одним из таких крупных соединений. Укрепившиеся в Китае, готовившиеся к решительному контрнаступлению, его войска представляли собой серьезную опасность для только что созданного молодого государства. Поэтому ЧК, взаимодействуя с областным ревкомом, запланировал физическое уничтожение атамана. И этот план был успешно претворен в жизнь.

Несмотря на то что роман написан в детективном ключе, считаю, что это — историческое произведение. Какое бы произведение писатель ни создавал, он прежде всего опирается на собственное видение событий и исторических личностей. К примеру, эпопея «Война и мир» — вовсе не хронологический аналог Отечественной войны 1812

года. Поэтому и образы исторических личностей в этом произведении в значительной степени — плод фантазии Л. Н. Толстого. Не зря ученые — исследователи творчества выдающегося писателя говорят: «Кутузов — это Лев Толстой». Аналогично этому некоторые ищут черты Толстого в образе Наполеона. И, между прочим, находят.

Похожее мнение можно выразить и по поводу «Петра Первого» А. Толстого, и романа В. Шукшина о Степане Разине. Иными словами, художественное произведение — это не точная копия истории. Однако писатель все же не может отойти слишком далеко от исторической правды.

Кемель Токаев во время написания романа «Последний удар» невольно придерживался этого принципа. Им на основе достоверных архивных материалов созданы убедительные художественные образы таких крупных исторических личностей, как О. Жандосов и Б. Шагабутдинов.

Надо помнить и то, что Кемель Токаев впервые в нашей исторической литературе правдиво, опираясь только на документы, рассказал о тяжелейшей работе чекистов Чанышева и Худжамьярова, сумевших втереться в доверие к Дутову и затем завершить операцию возмездия. Автор романа сумел рассказать и о трагической судьбе храбрых чекистов, ставших жертвами сталинских репрессий. В фильме «Конец атамана» благодаря блестящему актеру Асанали Ашимову у многих сложилось мнение, что приговор в отношении Дутова исполнил чекист-казах. И только в романе «Последний удар» было ясно сказано, что Чанышев был татарином, а Худжамьяров — уйгуром. В этой же книге упоминается и то, что белогвардейцы жестоко отомстили этим чекистам: перейдя через границу, они буквально вырезали их семьи. Особенно сильно пострадали близкие родственники Худжамьярова.

В последние два десятилетия благодаря усилиям российских авторов появилась тенденция приукрашивания и даже возвеличивания казачьих атаманов как борцов против коммунистов, защитников вековых традиций патриархальной России. Но нельзя забывать, что многие из лидеров казачьего движения отличались по-настоящему звериной жестокостью. В личном архиве Кемеля Токаева я обнаружил сделанные им выписки из секретных материалов КГБ. Документы свидетельствовали, что казаки занимались жестокими репрессиями против военнопленных и мирного населения. Кровавый след после себя оставили Оренбургская армия во главе с атаманом Дутовым и Семиреченская армия, которой командовал атаман Анненков. То, что они вытворяли и с бойцами Красной Армии, и с простыми крестьянскими семьями, иначе чем диким изуверством назвать трудно. Предчувствуя неизбежный конец, они в состоянии агонии уничтожали тысячи людей. Поэтому бесславный конец жизненного пути атаманов был предопределен.

Поскольку «Последний удар» — художественное произведение, писатель не стал описывать историю как последовательную цепь конкретных событий, нанизывая их одно на другое. В романе всесторонне и точно освещены политические настроения того времени, все нюансы социальной ситуации, жизнь народа.

Следует отметить, что в то время в литературе, как и в других сферах творчества, господствовал социалистический реализм, поэтому многие писатели превращали своих героев и их судьбы в своего рода иллюстрацию преимуществ социалистического строя. Их герои выглядели статичными фигурами, лишенными всего человеческого. Меня же радует то обстоятельство, что произведения Кемеля Токаева до сих пор «не вышли из моды», так

как не были выряжены в идеологические наряды. Рассказывая о тяжелом труде милиционеров и чекистов, ему и в голову не приходило сказать, что они действовали в соответствии с партийными директивами. В его книгах нет упоминаний о преимуществах социалистического строя.

Особое внимание отец уделял тому, чтобы увязать между собой реальные события и художественный вымысел. На мой взгляд, эта трудная задача оказалась ему по плечу. Его произведения динамичны, содержательны и читабельны.

К. Маркс любил повторять, что «стиль — это человек». Книги Кемеля Токаева являются своеобразным отражением его характера: он был степенным, солидным человеком. Даже по рукописям книг можно определить присущую ему аккуратность и основательность. В начальных главах книги я уже подробно рассказал о трудном, трагическом детстве отца, о его огненной юности и тернистом пути в литературу. Жизнь, полная трагизма, конечно же, не могла не сказаться на произведениях Кемеля Токаева. В них таится глубокая печаль, носителями этого чувства являются многие герои его книг. Они ведут диалоги, радуются, смеются, обдумывают свои планы, другими словами, живут, как все обычные люди, но в то же время персонажи, выведенные его пером, не совсем обычны. Они выделяются из общей массы художественных персонажей особым отношением к окружающим их реалиям. Их мировоззрение проникнуто грустью, которая становится особенно ощутимой при внимательном прочтении этих книг.

Я знаю, что в отцовском сердце тоже гнездилась глубокая печаль, и она не покидала его до самой смерти. Может быть, он тосковал по единственному брату. Возможно, его печалило самодовольство, лицемерие казахского общества. Отец часто называл его «ярмаркой тщеславия», цити-

руя Уильяма Теккерея. А может быть, была другая жизненная тайна, которую он унес с собой? Кажется, эту тайну мне удалось разгадать...

Написано Кемелем Токаевым немало. Да и тиражи его книг не дают посетовать на судьбу. Он был беззаветно предан литературе, поэтому просто не мог не трудиться ежедневно и даже ежечасно. Отец, по сравнению с другими писателями, мало заботился о собственных интересах.

Даже недоброжелатели не оспаривали того факта, что он добился удивительного совпадения в книгах вымысла и истины. В его произведениях реальность и художественная правда словно вступают друг с другом в тайную связь, тесно переплетаются и живут в полной гармонии. Как это ему удавалось сделать, сейчас, а может быть, и никогда не удастся понять. В этом секрет его творчества.

Как я уже говорил, он и в жизни был не совсем обычным, порой загадочным человеком, непохожим на других. Для него был характерен особый стиль поведения, который немыслимым образом перешел на содержание и стилистику его книг. Кто-то из писателей-циников сказал: «Главное дело жизни — это жизнь, а не дело». Отец всей своей жизнью опроверг это поверхностное суждение. Да, он любил жизнь, но главным для него все же было Дело. И этим делом была художественная литература.

В большой литературе Кемель Токаев сказал свое Слово. Будучи его сыном, я очень удовлетворен тем, что его Слово было искренним, правдивым и честным.

По-другому быть и не могло, потому что сам Кемель Токаев был именно таким человеком: искренним, честным и гордым. Уверен, что таким он останется в памяти многочисленных поклонников его художественного творчества и современников.

Глава V

Кемель Токаев и его современники

Кемель Токаев жил и творил в сложную, противоречивую и в то же время интересную эпоху. Он родился, когда в Казахстане укрепляла свои позиции советская власть и набирала кровавые обороты классовая борьба. Рано лишился родителей, погибших в трагические годы коллективизации, унесшей жизни более двух миллионов казахов. Когда пришло время защищать Родину, он вместе с сотнями тысяч других советских солдат победоносно прошагал по ратным полям Украины, Белоруссии, Польши. Ему также довелось оборонять Сталинград от фашистских захватчиков. К двадцати годам он прошел такой

жизненный «университет», которого с лихвой хватило бы на несколько человек более зрелого возраста. Война закалила его, но лишила единственного брата, о нем отец скучал и тосковал всю свою жизнь. Несмотря на тяжелейшее ранение, отец поступил в университет, где получил высшее филологическое образование и воплотил в жизнь давнюю мечту — стал журналистом и писателем. Ему довелось быть свидетелем четырех исторических периодов: сталинского, хрущевского, брежневского и отчасти горбачевского. Каждая из этих эпох по-своему повлияла на жизненное мировоззрение отца, главной отличительной чертой которого всегда оставалась жажда творчества.

Кемель Токаев запомнился современникам как незаурядный, самобытный писатель, положивший начало приключенческому жанру в казахской литературе. Помимо творческого таланта, он обладал такими человеческими качествами, как порядочность, честность, прямота.

Вышла в свет книга с рассказами об отце многих представителей казахской творческой интеллигенции. Они по своей доброй воле рассказали немало интересного о Кемеле Токаеве. Я хотел бы выразить сердечную благодарность всем ее авторам.

Со своей же стороны не могу не рассказать о тех замечательных людях, с которыми отцу довелось тесно общаться, делиться своими радостями и, к сожалению, горестями. Эти люди, будь то государственные служащие или творческие деятели, были неотъемлемой частью судьбы отца. Они помогали ему словом и делом, и отец никогда не оставался перед ними в долгу, отвечая взаимностью на их добрые дела.

Как известно, Кемель Токаев успешно совмещал государственную службу с творческой дея-

тельностью. Неудивительно, что среди его друзей были представители различных кругов: и писатели, и военные, и государственные служащие. О студенческих друзьях отца — Саттаре Имашеве и Муслиме Базарбаеве — я достаточно подробно рассказал в предыдущих главах. Действительно, они стали его первыми близкими друзьями в послевоенной жизни. На протяжении многих лет отец поддерживал с ними доверительные отношения, до конца жизни сохранив верность крепкой мужской дружбе.

После вынужденного выхода на пенсию отец не прерывал творческой деятельности, однако пространство домашнего кабинета было слишком тесно для его энергичной, жизнелюбивой натуры. Поэтому он с удовольствием принял предложение поработать в аппарате Союза писателей Казахстана.

В начале 80-х годов Союз писателей возглавлял видный поэт Жубан Молдагалиев. Отец познакомился с ним в послевоенное время, когда они работали в редакциях газет. Ж. Молдагалиев был почти ровесником отца, что помогло им быстро найти общий язык. С юных лет он подавал большие надежды как поэт и переводчик русской и советской поэзии. По воспоминаниям отца, во время многочасовых дружеских застолий Жубан мог подолгу цитировать стихи выдающихся поэтов, а также декламировать свои собственные произведения. Ж. Молдагалиеву удалось сполна реализовать природный талант, за свои поэтические произведения он был удостоен Государственной премии СССР. В историю литературы вошла его поэма «Я — казах».

Через несколько лет на посту первого секретаря Союза писателей появился другой, не менее известный поэт Олжас Сулейменов. И с ним у Ке-

меля Токаева установились хорошие взаимоотношения. Отец никогда не поддерживал тех писателей, которые при удобном случае пытались явно, а чаще всего скрытно поносить О. Сулейменова по причине того, что он творил на русском языке. В те годы целая группа писателей считала, что он не имеет права возглавлять Союз писателей Казахстана. Отец же твердо придерживался мнения, что единственным мерилом творческого таланта писателя является его гражданская позиция, а также востребованность читательской аудиторией. О. Сулейменов впоследствии перешел на дипломатическую работу, но не порвал с общественно-политической деятельностью. В настоящее время Олжас Сулейменов, удостоенный высшего звания «Қазақстан Республикасының Еңбек Ері», активно выступает по наиболее актуальным проблемам нашего общества.

Во второй половине 80-х годов вторым секретарем Союза писателей Казахстана был Абиш Кекильбаев. Как я уже упоминал, отец считал, что этот писатель со временем поднимется на один уровень с корифеями казахской литературы, потому что его талант буквально искрился. Отец говорил, что А. Кекильбаев — это своеобразная концентрация казахского духа, в то же время он выделял такие его качества, как обходительность и доброта. Эти прогнозы оказались верными: А. Кекильбаев стал яркой звездой на литературном небосклоне, а политическая интуиция и способность к поиску компромисса в сложных ситуациях позволили ему на протяжении многих лет занимать самые высокие государственные посты в независимом Казахстане. Он был председателем Верховного Совета, государственным секретарем, работал и в качестве государственного советника. До конца жизни этот незаурядный человек пользовался

подлинным уважением в казахстанском обществе. Нам довелось вместе трудиться в Сенате Парламента Казахстана. И будучи депутатом он работал как писатель и публицист, радуя читателей интересными художественными произведениями и статьями на самые злободневные темы.

Наша семья очень признательна Абишу Кекильбаеву за уважение к отцу, проявленное в дни его похорон. Известный писатель пришел к нам домой, чтобы лично выразить соболезнования. При этом он высказал очень теплые слова в адрес безвременно ушедшего коллеги и, как он выразился, «старшего брата».

Если же говорить о многолетней работе отца в Президиуме Верховного Совета, то не могу не упомянуть Бижамал Рамазанову. На протяжении более 10 лет она была вторым лицом в этом очень важном органе, который олицетворял собой государственную власть в республике. Б. Рамазанова запомнилась всем как эрудированный руководитель, к тому же отличавшийся трудолюбием, тактичностью и добрым отношением к коллегам по работе. Думаю, не ошибусь, если скажу, что ее уход с поста секретаря Президиума Верховного Совета с последующим назначением на должность начальника Главного архивного управления при Совете Министров Казахской ССР стал большой потерей для властных структур республики. Она вошла в историю казахстанского парламентаризма как очень яркая личность.

На протяжении многих лет Президиумом Верховного Совета руководил Сабыр Белялович Ниязбеков. Формальный глава республики отличался уравновешенностью, деловитостью и доброжелательным отношением к подчиненным. Отец высоко отзывался о нем как о достойном руководителе, благодаря которому деловая и моральный

ная обстановка в коллективе была безупречной. С. Ниязбеков проявлял требовательность во всем, что касается подготовки документов на казахском и русском языках. Поэтому отец вместе с коллегами очень часто засиживался до позднего вечера, упорно работая над текстами законодательных актов и постановлений.

Надо сказать, что Кемель Токаев пользовался большим уважением в аппарате Президиума Верховного Совета. Все сотрудники, особенно старожилы, хорошо помнили историю, связанную со смелым выступлением Кемеля Токаева против бывшего секретаря Президиума М. Каржаубаева. Отец на одном из партийных собраний подверг его суровой критике за авторитарный стиль руководства и отсутствие должного внимания к работе с коллективом. До этого собрания подчиненные никогда не критиковали руководство, тем более таких высокопоставленных лиц, как секретарь Президиума Верховного Совета. Выступление Кемеля Токаева произвело эффект разорвавшейся бомбы, но было поддержано практически всеми сотрудниками аппарата. Через некоторое время этот руководитель по решению ЦК покинул свой пост.

В годы работы в представительном органе отец подружился с управляющим делами Президиума Верховного Совета Хамзой Абылгазиным. Их объединяло то, что оба вкусили горечь детского лихолетья в голодные довоенные годы и прошли по пыльным дорогам войны. Х. Абылгазин, по рассказам отца, был честным и принципиальным человеком, по-доброму относился к запросам коллег, в меру своих возможностей помогал им с получением квартир и путевок в дома отдыха и санатории. При этом его отличала скромность в отношении собственных нужд — это качество было присуще многим людям, познавшим трудно-

сти послевоенного времени. Интересно, что сын Х. Абылгазина Багдат успешно работал в системе Министерства иностранных дел, на протяжении четырех лет был советником посольства нашей страны в Узбекистане, затем поработал в Азербайджане, а сейчас возглавляет Ассоциацию ветеранов-дипломатов.

Из своих коллег, работавших в главной редакции «Ведомостей Президиума Верховного Совета Казахской ССР», отец выделял Баймырзу Дауренбекова и Жунуса Бектепова. Они много помогали ему в повседневной работе, проявляя при этом высокий профессионализм. Такое качество было редкостью в те годы, поскольку специальная терминология в казахском языке находилась лишь в начальной стадии своего оформления. Кстати, лингвистический терминком и по сей день продолжает работу по обеспечению адекватного перевода многих слов и выражений с русского на казахский язык. В те же годы перед сотрудниками редакции стояла сложнейшая задача квалифицированного перевода законов и других государственных актов, принимавшихся не только в Москве, но и в самой республике. Для достижения успеха в этом весьма трудоемком процессе требовались не только высокие профессиональные качества, но и взаимная моральная поддержка сослуживцев, среди которых хотел бы также выделить и Елизавету Абдуллину. В аппарате Президиума Верховного Совета работало немало других квалифицированных сотрудников, небольшая часть которых здравствует по сей день и активно занимается общественной работой в Совете ветеранов.

Кемель Токаев, несмотря на сильную загруженность по работе в аппарате Президиума Верховного Совета, все же находил время для творческой

деятельности. По субботним дням он работал в архивах КГБ и МВД, а затем по ночам обрабатывал полученные данные и «переводил» их на литературный язык. Он часто говорил, что днем служит Отечеству, а ночью занимается служением высокой музе литературы.

Имея рабочие связи с руководителями правоохранительных органов, он сблизился с первым заместителем председателя КГБ Абдыманапом Тлеулиевым, министром внутренних дел Маканом Есбулатовым, а также с его заместителем Ахметом Тумарбековым. Они проявляли искреннее уважение к отцу, занимавшемуся нелегким литературным трудом во славу ратных дел казахстанских чекистов и милицейских сотрудников. Благодаря этим людям отец получил доступ к закрытым архивным материалам, которые впоследствии легли в основу его художественных произведений. Отец, насколько я помню, был очень признателен им за столь бесценную помощь в написании книг, ведь некоторые материалы они передавали ему на свой страх и риск, принимая единоличные решения без какого-либо согласования с вышестоящими инстанциями.

В середине 1978 года в журнале «Жалын» были опубликованы отрывки из нового романа Кемеля Токаева. Читатели с нетерпением ожидали появления этого произведения, но журнальный вариант романа привлек к себе внимание и со стороны бдительных партийных работников. Они-то и заметили, что там содержится фрагмент с кратким описанием, мягко говоря, неприязненных отношений крупного татарского купца Шарипа Ялымова с Сакеном Сейфуллиным. Надо сказать, что и сам С. Сейфуллин, к которому отец относился с огромным почтением, ярко описывал этот факт в своем известном произведении «Тернистый путь». Дан-

ное обстоятельство было беспристрастно запечатлено и в архивных материалах КГБ. Однако публикация сенсационного материала привела в шоковое состояние блюстителей идеологии, поскольку личный враг выдающегося писателя оказался отцом супруги Д. Кунаева Зухры Шариповны. Как часто бывает в подобного рода ситуациях, нашлись люди, которые охотно донесли высшему руководителю республики неприятную весть о журнальной публикации Кемеля Токаева. Похоже, они сами так и не удосужились хотя бы бегло ознакомиться с известным произведением С. Сейфуллина.

Из Центрального Комитета партии пришло указание изъять тираж и заменить его другим изданием журнала за тем же номером, но, разумеется, без отрывков из романа Кемеля Токаева. Отец был вынужден выплатить «неустойку» за использованную бумагу на огромную по тем временам сумму в 1000 рублей, что нанесло ощутимый ущерб семейному бюджету. Но этот ущерб ничего не значил по сравнению с моральными последствиями непомерно раздутого скандала. Как мне рассказывали очевидцы тех событий, возникший скандал обсуждался в соответствующих отделах ЦК партии, некоторые «идеологические волкодавы» даже предлагали исключить Кемеля Токаева из партии за «клеветнические измышления» в адрес руководства республики. Никто не брал в расчет (и не имел желания этого делать), что в журнале был опубликован общеизвестный факт, изложенный и самим С. Сейфуллиным в романе «Тернистый путь». Кроме того, доброхоты, высказывая в угоду высокому начальству мнение об исключении из партии фронтовика, даже не подумали о губительных последствиях такого решения в отношении ветерана войны.

В столь критический момент «горячие головы» несколько остудил секретарь ЦК С. Имашев, напомнивший им о боевых и литературных заслугах Кемеля Токаева. В конечном счете данный инцидент обошелся без организационных выводов по партийной линии, но отцу дали ясно понять, что высшее руководство республики проявляет сильное недовольство, в связи с чем ему следует написать заявление об уходе с работы по собственному желанию. «Приговор» объявил председатель Президиума Верховного Совета С. Ниязбеков, сказавший, что не имеет никаких претензий по работе, но вынужден выполнить поручение главы республики. Воспитанный в духе коммунистической дисциплины, отец не стал возражать и быстро распрощался с коллегами.

На мой взгляд, нет нужды углубляться в описание морального состояния отца и всей нашей семьи после столь внезапного и нелепого расставания с государственной службой. Нас не могло не расстраивать то, что скандал с каждым днем обрастал все новыми и новыми слухами, а недоброжелатели, пытаясь выслужиться перед партийным руководством, предлагали закрыть писателю дорогу в литературу. Журналы и газеты стали отказывать в публикациях статей, некоторые из давних знакомых, опасаясь неприятностей, избегали публичных контактов с ним. Но показательно, что родители не затаили в душе каких-либо враждебных чувств к людям, которые стали случайными виновниками семейных невзгод. В 1984 году, когда предстоящую отставку Д. Кунаева в казахстанском обществе уже воспринимали как данность, они дали новорожденной внучке имя Зухра, тем самым подчеркнув свое уважительное отношение к многолетнему руководителю республики.

В этой связи отмечу интересный эпизод из воспоминаний тогдашнего помощника первого секретаря ЦК партии, известного писателя Владислава Владимирова, который пишет, что однажды Д. Кунаев поинтересовался у него, что он думает по поводу творчества писателя Кемеля Токаева. Получив положительный ответ, он над чем-то задумался.

Отлучение от государственной службы помешало отцу создать уникальное произведение, основанное на достоверных архивных данных, о работе за рубежом казахского разведчика-нелегала. Он был полон творческих планов, мысленно уже представлял, каким будет новый роман. По его словам, этот разведчик по своему профессионализму и результатам работы ничем не уступал и даже превосходил таких выдающихся бойцов невидимого фронта, как Рихард Зорге и Рудольф Абель. К глубокому сожалению, отцу не разрешили продолжать работу над уже начатым произведением, руководство КГБ сообщило ему, что принято специальное решение о запрете на публикацию художественного произведения об этом талантливом разведчике, работавшем в Китае в 30-х годах прошлого столетия под видом китайского предпринимателя.

Несмотря на вынужденный творческий простой и отсутствие каких-либо возможностей опубликовать свои произведения, отец, тем не менее, не пал духом, продолжая надеяться на благополучный исход. Он много работал в своем домашнем кабинете, делал рабочие наброски будущих произведений, вел дневниковые записи, перечитывал советских и зарубежных классиков. К счастью, под рукой оказалось стотомное издание серии «Всемирная литература», купленное им в середине 60-х годов, а также множество книг, которые

отец бережно собирал на протяжении многих лет. Созданная его стараниями домашняя библиотека и по сей день востребована, теперь она служит его внукам.

В то сложное время неоценимую моральную помощь отцу оказал его коллега и давний друг Сапар Байжанов, работавший главным редактором газеты «Социалистік Қазақстан». Он дал согласие на публикацию большой статьи Кемеля Токаева в главной газете республики. Отец был очень благодарен ему за этот смелый поступок, на который другие руководители республиканских изданий так и не отважились.

С Байжановым он познакомился еще в середине 50-х годов во время работы в редакциях казахских газет. Отец выделял этого способного журналиста из общей массы литераторов, считал, что он обладает не только большими творческими возможностями, но и такими человеческими качествами, как твердость и принципиальность. С. Байжанов остался в памяти современников как видный журналист и писатель. По мнению специалистов, именно ему удалось поднять главную партийную газету на небывалый публицистический и творческий уровень. Мне не раз приходилось быть свидетелем личных бесед отца с этим незаурядным человеком, и, как говорится, невооруженным взглядом было видно, что они полностью «совместимы» по психологии, творческому духу и литературным предпочтениям.

В нынешнее время я довольно часто общаюсь по служебным делам с его сыновьями — Уланом и Ерланом. Улан Байжанов работал заместителем министра государственных доходов, затем перешел в национальную компанию «Казмунайгаз», значительный вклад внес и в деятельность Генеральной прокуратуры. Ерлан Байжанов после

работы в Администрации Президента и МИД был назначен первым заместителем министра культуры и информации, затем стал пресс-секретарем главы государства, в настоящее время трудится в посольстве Казахстана в России в качестве советника-посланника.

Конкретное содействие поступило и от известного писателя Владислава Владимирова, работавшего, как я уже сказал, помощником Д. Кунаева. Отец познакомился с ним еще в начале 70-х годов, когда им довелось работать вместе в аппарате Президиума Верховного Совета. В Государственном архиве сохранились копии статей отца с анализом художественных произведений его друга. Сам же В. Владимиров, по его собственному признанию, не оставался в долгу перед отцом, тоже публиковал рецензии на его книги. Их дружба оказалась прочной и выдержала испытание временем, В. Владимиров ходатайствовал перед руководством республики о творческой реабилитации Кемеля Токаева, после чего стал возможен выход в свет других произведений, в том числе и романа «Солдат ушел на войну».

Интересно, что четверть века спустя В. Владимиров опубликовал хвалебную рецензию теперь уже на мою книгу «Свет и тень». В своей статье он, вспоминая Кемеля Токаева, назвал его «красивым человеком, бывалым фронтовиком и замечательным писателем».

В. Владимиров написал интересную статью о творчестве К. Токаева, в которой рассказал о довольно интересных эпизодах, касающихся жизнедеятельности высшего руководства республики в 70-х годах. Он также подарил мне свою книгу очерков на эту тему.

Отец никогда не прерывал дружеских взаимоотношений и с другим видным литератором — Шери-

азданом Елеукеновым. Он ценил в нем такие качества, как широкая эрудиция и отточенный стиль изложения собственных мыслей. Надо сказать, что Ш. Елеукенов тоже успешно совмещал творческую деятельность с работой в государственных органах. На протяжении многих лет он возглавлял Государственный комитет по полиграфии и книгоизданию и в этом качестве неизменно проявлял доброе расположение к отцу как журналисту и писателю. Сын Ш. Елеукенова, Дастан, работает в системе МИД.

В круг общения отца входили такие видные писатели, как Калмукан Исабаев, Азильхан Нуршаихов, Тахауи Ахтанов, Бердибек Сокпакбаев, Гафу Каирбеков, Отебай Канахин, Берхаир Аманшин, Музафар Алимбаев, Камал Смаилов, Туманбай Молдагалиев, Абильмажин Жумабаев. Их объединяла общая судьба и привязанность к художественному слову. Отец высоко оценивал творчество упомянутых мастеров пера, часто говорил нам, что эти писатели представляют собой «фундамент», без которого казахская литература будет «шататься, как деревце на ветру».

Калмукан Исабаев, как и отец, был участником войны. В середине 2005 года он отпраздновал свое 80-летие. К. Исабаев вошел в казахскую литературу как талантливый летописец героического труда строителей водоканала Иртыш — Караганда. С большим уважением отец относился к Т. Ахтанову, Т. Молдагалиеву, О. Канахину. Он часто встречался со своими коллегами и во время литературных форумов, и в домашней обстановке. В ходе оживленных дискуссий они обменивались мнениями о положении дел в казахской литературе.

В начале 60-х годов отец вместе с Касымом Кайсеновым совершил поездку на Украину, где они встречались с участниками подпольного дви-

жения периода фашистской оккупации Украины, в том числе и с легендарным командиром партизанского движения Ковпаком. Эти встречи произвели на отца сильное впечатление, он рассказал о них в своей повести, посвященной героизму украинских партизан.

С ветеранами партизанского движения он переписывался на протяжении почти десяти лет. Они доверяли ему, закаленному фронтовику, и поведали немало интересного о «лесной войне» против оккупантов. Недавно я обнаружил в личном архиве Кемеля Токаева их письма. По своему содержанию они носили сенсационный характер. Правда, рассказанная настоящими партизанами, разительно отличалась от «героических» историй, ставших привычными для нас благодаря многочисленным книгам, опубликованным спустя многие годы после окончания войны. Предай он эти письма гласности тогда, в начале 60-х годов прошлого столетия, жизнь кое-кого из авторов громких «произведений» на партизанскую тему, наверное, пошла бы по другому руслу, и об их «подвигах» люди узнали бы совершенно с другой стороны. Но такие поступки не входили в жизненные установки Кемеля Токаева. Тем не менее он до конца своих дней придерживался критического мнения о писателях, рассказывавших небылицы о своем «героическом» прошлом и уже в мирное время просивших высокие государственные награды за события, происшедшие десятки лет назад.

На протяжении многих лет отец дружил с известным писателем и поэтом Б. Аманшиным. Он ценил в нем скромность, порядочность, а также талант исследователя, что особенно ярко проявлялось в его трудах, посвященных творческому наследию Махамбета Утемисова.

Отдельная тема — это отношение отца к молодым писателям. Он внимательно следил за

их творчеством, относился к их произведениям по-доброму, без зависти и ревности. По его мнению, творцами первой величины могли бы стать Шерхан Муртаза, Аким Тарази, Калихан Искаков, Мухтар Магауин, Сатимжан Санбаев, Аскар Сулейменов, Баккожа Мукаи, Дулат Исабеков, Оралхан Бокей. Приятно осознавать, что он не ошибся в своих смелых прогнозах, все они получили широкую известность, были удостоены высоких премий и званий. Их имена запечатлены в казахской литературе золотыми буквами. Произведения этих писателей востребованы читателями.

Несмотря на разницу в возрасте, отец в плане личных взаимоотношений очень тяготел к Когабаю Сарсекееву. Они часто встречались, как сейчас принято говорить, в неформальной обстановке, много говорили о литературе и событиях в республике. К. Сарсекеев вместе с женой и детьми были частыми гостями в нашем доме и при каждом удобном случае проявляли ответное гостеприимство. До своей кончины в результате болезни К. Сарсекеев возглавлял редакционную коллегию газеты «Қазақ». Он был удостоен литературной премии «Алаш» и почетного звания «Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері».

Кемель Токаев с удовольствием общался и с Акимом Тарази. Он не скрывал, что симпатизирует этому самобытному писателю, в том числе и его высоким человеческим качествам. Действительно, А. Тарази никогда не забывал своего старшего товарища и коллегу, даже когда тот переживал нелегкие времена. Аким Тарази впоследствии стал лауреатом Государственной премии, обрел широкую популярность как талантливый писатель и публицист. Он был одним из тех литераторов, кто искренне поддержал почин Президента о переносе столицы. Сам А. Тарази переехал в Астану и на-

писал о новой столице немало интересных статей. Поэтому его назначение на должность руководителя столичного филиала Союза писателей было воспринято как закономерное решение. И по сей день этот писатель плодотворно работает в разных жанрах художественной литературы. Это по-настоящему крупный, можно сказать, выдающийся литератор, мыслящий современно и масштабно. Полагаю, что его произведения будут пользоваться большим спросом еще многие десятилетия.

Довольно часто отец встречался с Баккожой Мукаи. Какое-то время они даже делили кабинет в здании Союза писателей. Он говорил нам, что это очень содержательный, тактичный и талантливый человек, общение с которым дает ему «заряд бодрости» и помогает в работе над художественными произведениями. Я благодарен Б. Мукаи за очень искреннюю статью о Кемеле Токаеве, опубликованную в журнале «Парасат», а затем вошедшую в книгу воспоминаний. Не могу скрыть своего удовлетворения по поводу того, что довелось лично вручать ему диплом лауреата Государственной премии. Журнал «Парасат», который он возглавлял, был и остается одним из самых популярных изданий в Казахстане, его отличают высокий художественный стиль, повышенные требования при подборе материалов. К большому сожалению, Б. Мукаи рано ушел из жизни — его подкосила неизлечимая болезнь. Перед отъездом в Германию на лечение он написал мне теплое письмо, в котором, предчувствуя скорую смерть, высказал сердечные пожелания. Он был действительно талантливым писателем, обладавшим неповторимым, присущим только ему стилем. Произведения Б. Мукаи составили пятитомник, вышедший незадолго до его кончины.

Отец высоко ценил творчество Сатимжана Санбаева. Они довольно часто встречались, обмени-

вались мнениями о новинках в художественной литературе. С. Санбаев бывал частым гостем в нашей квартире на улице Фурманова, о чем он интересно рассказал в своих воспоминаниях.

В конце 70-х годов Кемель Токаев сблизился с писателем Сакеном Жунусовым. По случаю 60-летнего юбилея отца они вместе совершили поездку в Талдыкорганскую область. Отец, как и многие писатели, придерживался высокого мнения о его романе «Ақан сері». Интересно, что С. Жунусов впоследствии стал автором интересного произведения о жизни и ратном труде Аблай-хана. Этот труд мог бы стать основой добротного сценария к художественному фильму, но этого не случилось, о чем сам С. Жунусов не раз публично сожалел. И почитатели его таланта тоже.

С большим уважением он относился и к творчеству Кабдеша Жумадилова, называя его роман «Тағдыр» «феноменальным явлением» в казахской литературе. Такая оценка творчества К. Жумадилова оказалась правдивой, она выдержала испытание временем. Этот писатель и по сей день пользуется большим авторитетом в писательской среде.

Кемель Токаев живо интересовался поэтическими новинками, всегда радовался появлению содержательных и интересных произведений. Очень часто он рассказывал мне о творчестве Туманбая Молдагалиева. Он считал его непревзойденным лириком, певцом любви и дружбы. Общение с Т. Молдагалиевым доставляло ему большое удовольствие, ведь прославленный поэт обладает лучшими человеческими качествами. По случаю кончины моей мамы Т. Молдагалиев написал пронзительное по своему содержанию стихотворение, посвященное ей. Я, конечно же, очень признателен поэту за такое внимание к нашей семье.

Из молодых поэтов отец отдавал предпочтение Мухтару Шаханову, Фаризе Онгарсыновой, Жуматаю Жакыпбаеву, Нурлану Оразалину, Жараскану Абдрашеву. Ему нравились стихи Мукагали Макатаева, и он придерживался мнения, что этот поэт еще при жизни мог бы называться классиком. С уважением отец относился к творчеству Кадыра Мырзалиева, Сакена Иманасова, Жумекена Нажмеденова. Работая в Союзе писателей, отец сдружился с писателями Рамазаном Тохтаровым и Беком Тогысбаевым. Он считал их интересными и оригинальными мастерами пера.

Хотел бы выделить талантливого поэта Кеншилика Мырзабекова, к сожалению, рано ушедшего из жизни. Он проявлял искреннюю привязанность к отцу в период его работы в Союзе писателей. В личном архиве Кемеля Токаева сохранились фотографии, где они находятся вместе во время многочисленных командировок по республике.

По-разному сложилась судьба упомянутых писателей и поэтов. Фариза Онгарсынова была депутатом парламента двух созывов. Несмотря на ее кончину, ее творчество продолжает радовать многочисленных читателей. Нурлан Оразалин многие годы успешно возглавлял Союз писателей, Кадыр Мырзалиев провел праздничные мероприятия по случаю 70-летия и сумел выпустить книгу воспоминаний о своих современниках, но, к сожалению, ушел в мир иной, оставив о себе добрую память как выдающийся поэт-философ. На его малой родине, в Западно-Казахстанской области, возведен мемориальный комплекс в его честь. Бек Тогысбаев тоже скончался, оставив после себя произведения на историческую тему. Интересно сложилась судьба Мухтара Шаханова. Он десять лет находился в Кыргызстане в качестве посла Казахстана, затем был избран депутатом мажилиса,

где активно отстаивал позиции казахского языка как государственного. Мукагали Макатаев, Жумекен Нажмеденов, Жараскан Абдрашев, Рамазан Тохтаров, к сожалению, ушли в мир иной, их помнят как блестящих мастеров пера.

С неподдельным интересом Кемель Токаев общался с крупными учеными-филологами. На протяжении многих лет он дружил с Абдуали Кайдаровым, впоследствии ставшим академиком, директором Института языкознания при Академии наук Казахской ССР. Помнится, отец не раз отзывался о нем как о хорошем человеке и крупном специалисте в казахском и других тюркских языках. А. Кайдаров и по сей день активно работает в области языкознания. Несколько лет он успешно возглавлял общество «Қазақ тілі», много сделав для популяризации нашего языка. За заслуги перед народом нашей страны А. Кайдаров был удостоен высшего ордена «Отан», а на свое 90-летие получил высокий орден «Достык» первой степени.

Отец также воздавал должное трудолюбию и энциклопедическим знаниям другого не менее маститого филолога — Шоры Сарыбаева, с которым с удовольствием общался и в служебной обстановке, и во время дружеских застолий. Ш. Сарыбаев был очень интересным, в какой-то мере уникальным человеком. На протяжении многих лет он вел досье-картотеку по целому ряду лингвистических проблем и даже по такому специфическому вопросу, как футбол. Сын Ш. Сарыбаева, Кайрат Шора-улы, успешно трудится в системе МИД, работал послом в Турции и ФРГ, заместителем министра, в настоящее время является послом в Австрии и постоянным представителем в ОБСЕ.

С неизменным уважением отец относился к крупным ученым-литературоведам Зейнолле

Кабдолову и Серику Кирабаеву, а также к ученому-философу Абдешу Калмырзаеву.

Считаю своим долгом хотя бы вкратце рассказать еще об одном друге Кемеля Токаева — Ермухамеде Жаксылыкове. Этот замечательный человек, к сожалению, тоже рано ушедший из жизни, оставил яркий след в биографии отца. Они сблизились в начале 70-х годов, когда Е. Жаксылыков, или Ереке, как мы называли его дома, работал вторым секретарем райкома партии в Кегене. Затем он переехал в Алма-Ату и стал работать в журналистике, где сильно преуспел. Без этого очень яркого, интересного и доброго человека не обходился ни один наш семейный праздник. Отец брался за телефонную трубку и звонил ему, чтобы первым пригласить в гости. И сам Ереке отличался редким гостеприимством. Общение с ним доставляло отцу большую радость, по-другому быть и не могло, ведь этот человек буквально искрился радушием и юмором. После смерти отца он не прерывал отношений с нашей семьей, часто звонил маме, рассказывал ей о последних событиях в республике. Наша семья сохраняет об этом интересном человеке добрую память.

Другая группа современников Кемеля Токаева — это его близкие друзья из научной и вузовской среды.

Среди них я хотел бы выделить Айдарбека Кусаинова, Сеилбека Тлеубаева, а также Хамита Альжанова, который после завершения службы в органах безопасности перешел на преподавательскую работу. Многие годы Х. Альжанов активно работал в качестве профессора в ряде вузов нашей страны, много публиковался в периодической печати по самым актуальным вопросам общественно-политической жизни республики. Находясь в преклонном возрасте, он выпустил книгу с воспоми-

наниями о наиболее интересных эпизодах своей насыщенной событиями жизни. В журнале «Дипломатический вестник» по моей инициативе вышла статья с рассказом о жизненном пути Х. Альжанова как дипломата, разведчика и ученого.

Отцу очень нравился Айташ Жакупов, многие годы работавший в системе партийных органов. К сожалению, этот замечательный человек скоропостижно скончался, и, помнится, отец очень сильно переживал по этому поводу.

Должен сказать, что Кемель Токаев строил свои отношения с друзьями не по принципу землячества, как это стало «модно» в настоящее время, а исходя из человеческих и деловых качеств людей. Среди его друзей и близких были представители различных регионов республики. Общаясь с отцом, я никогда не слышал от него каких-либо суждений на тему родового происхождения того или иного руководителя или писателя. Значительно позже мне стало известно, что далеко не все представители творческой интеллигенции разделяли его мнение о важности «интернационализма» в казахском обществе.

Отец охотно общался и с видными представителями русскоязычной журналистики и литературы. О В. Владимирове я уже сказал, здесь же хотел бы добрым словом упомянуть и Ростислава Петрова. Этот человек привлек внимание отца своей сложной и интересной судьбой, а также заинтересованным отношением к казахской прозе. Они совместно работали над переводом романа «Последний удар». Надо отметить, что отец впервые за всю свою творческую деятельность остался доволен переводом в исполнении Р. Петрова.

По мнению отца, очень интересным и профессиональным журналистом был Александр Самойленко, в 70-е годы работавший собственным

корреспондентом «Литературной газеты». Они, несмотря на разницу в возрасте, часто общались друг с другом в Союзе писателей.

Отец проявлял искренние дружеские чувства к своему коллеге по работе в аппарате Президиума Верховного Совета Алексею Никифорову. Он часто называл его «другом», и А. Никифоров платил ему взаимностью, часто навещая отца и дома, и в больнице. В 1983 году он прислал отцу поздравительное послание, отпечатанное типографским способом, по случаю его 60-летнего юбилея. Послание начиналось словами: «Мой лучший друг Кемель...»

Кемель Токаев, будучи основоположником приключенческого жанра в казахской литературе, до конца жизни был предан этому жанру. Символично, что он скончался 10 ноября — в День сотрудников милиции. Нет слов, чтобы описать, как тяжело вся наша семья пережила его смерть. Наше траурное настроение усугублялось искренним детским плачем внучки главы семейства — Даны[1]. Я же был просто подавлен свалившимся горем, мне казалось, что отец проживет долго, во всяком случае, перейдет 70-летний рубеж.

В то смутное для нас время на недосягаемой моральной высоте оказался сват отца Рымтай Избастин. Его судьба во многом напоминает жизнь отца. Он тоже пережил все тяготы Отечественной войны, а после ее победного завершения работал в Баянаульском районе Павлодарской области. Там же он проживал до самой смерти, пользуясь искренним уважением со стороны сельчан. Ему довелось участвовать в торжественных парадах ветеранов войны по случаю 50-й и 55-й годов-

[1] Сейчас Дана — доктор политических наук, профессор, воспитывает двух детей.

щин Победы. По решению областного маслихата он был избран почетным гражданином Баянаула и в этом качестве отпраздновал свой 80-летний юбилей среди родных и близких. В августе 2005 года во время посещения Баянаульского района Президентом он выступил перед главой государства в качестве уважаемого старейшины этого района. В честь него названа одна из улиц Баянаула.

В дни похорон я возвращался мыслями к образу отца, вспоминал наше общение, когда он был здоров и энергичен, а также в тяжелые времена, когда ему стало нездоровиться. Вспоминалась его поездка в Москву в начале 80-х годов. Он решил посмотреть мою квартиру и освятить ее традиционным «шашу». Затем он с большим удовольствием пожил в ней несколько дней. Перед моими глазами всплывали картины наших совместных ужинов и чаепитий на кухне, наших бесед о самых разных вещах, которые в совокупности образуют такое емкое понятие, как «жизнь».

Я вспоминал и нашу переписку. В одном из своих посланий он сказал, что получил фотографию внука Тимура, который сильно напомнил ему меня в младенческом возрасте, и просил привезти его в Алма-Ату. Тимур в двухлетнем возрасте все же приехал к дедушке, но было уже поздно. Еще ничего не понимая и не осознавая случившегося, он с детской непосредственностью говорил всем, кто приходил в наш дом выразить соболезнования: «Я — Токаев». Друзья, коллеги и родственники в ответ умилялись, мне же казалось, что в этом детском самовыражении явно сквозит продиктованное самой жизнью символическое знамение.

С уходом в иной мир Кемеля Токаева его дела и думы переходят по наследству к Тимуру Токаеву, появлению на свет которого отец так сильно обра-

довался. Сейчас мой сын — отец двух детей, кандидат политических наук, автор двух книг.

Отец скончался в 1986 году, много времени прошло после того трагического дня. Но до сих пор я помню каждое слово его последнего письма. Он прощался со мной, как подобает мужественному человеку, трепетно и спокойно, писал, что помнит мою жизнь до мельчайших деталей и подробностей, вспомнил некоторые конкретные эпизоды, наказал беречь себя и близких, а затем пожелал успехов и благополучия.

В моей памяти отец навсегда останется как Человек, Патриот и Гражданин.

В 1995 году правительством республики было принято решение о присвоении средней школе № 1 города Уштобе имени Кемеля Токаева. Для нашей семьи это было радостное событие. С не меньшей радостью эта новость была воспринята жителями Каратальского района, где родился и провел детские годы отец. По инициативе директора школы Валентины Григорьевны Спиридоновой в этом учебном заведении был создан музей Кемеля Токаева. Активно функционирует Фонд.

31 августа 2003 года я принял участие в открытии бронзового бюста отца в школе, носящей его имя. С чувством глубокой благодарности я вспоминаю это торжественное мероприятие. С какой любовью и вниманием директор и ее коллеги-учителя подготовили программу! Дети старших классов рассказывали, что им запомнилось больше всего из произведений Кемеля Токаева, младшеклассники декламировали стихи, посвященные их славному земляку. По случаю открытия бюста я передал в музей дорогие для нашей семьи личные вещи отца: пиджак со всеми орденами и медалями, которыми он был награжден во время войны и в мирное время, а также некоторые документы, хранившиеся в Государственном архиве.

А в конце декабря 2007 года я вновь посетил школу в Уштобе, где радушно был принят директором В. Спиридоновой, преподавательским коллективом и учениками. Конечно же, посетил музей, который стараниями учителей и учеников во главе с директором обрел новый облик и содержание. Теперь это уже настоящий музей, где бережно хранятся интересные экспонаты. В школе существует хорошая традиция: объявляется конкурс на лучшее сочинение о писателе Кемеле Токаеве. Затем работы учеников-победителей публикуются в отдельном сборнике. Учреждены стипендии лучшим ученикам школы. После окончания школы на средства Фонда имени Кемеля Токаева наиболее способные ученики направляются на учебу в университеты Казахстана и Китая.

Мы — дети Кемеля Токаева и Турар Шабарбаевой — безмерно благодарны своим родителям за заботу и внимание, что, по сути дела, предопределило нашу дальнейшую судьбу. Все мы получили высшее образование в известных вузах, стали специалистами в соответствующих отраслях. Но самое главное — мы получили от них полезные уроки нравственности и человечности, ставшие для нас жизненным путеводителем. И по сей день мы гордимся своими родителями, хотя печаль по поводу их безвременной кончины до сих пор не отпускает нас. Порой нам кажется, что именно они взяли на себя наши жизненные ошибки, проступки и неправильные деяния. Поэтому все лучшее, чему они смогли научить нас, мы стараемся передать своим детям.

Глава VI

Мама

Большим горем, невосполнимой утратой для меня и всей нашей семьи явилась кончина мамы. Это случилось 20 июля 2000 года. Мне позвонила сестра Карлыга, находившаяся до последних минут с мамой в больнице города Дюссельдорфа, и сквозь слезы сообщила, что не стало нашей матери. Перед смертью мама с трудом подняла голову с подушки, обвела последним взглядом притихших детей и внуков, затем произнесла одно слово: «Прощайте».

Буквально за пять минут до этого телефонного звонка я увидел трех голубей, отчаянно бившихся об окна моего служебного кабинета. Вспомнилась прочитанная некогда статья о подобного рода явлениях: птицы, рвущиеся в жилища людей, явля-

ются предвестниками неминуемой беды. Тяжелое предчувствие захлестнуло меня — неужели не стало мамы? К сожалению, так оно и случилось. Через пять минут я услышал самое печальное в моей жизни сообщение.

Я видел маму за несколько дней до ее ухода в мир иной. Узнав, что она находится в тяжелом состоянии, вылетел в Дюссельдорф через Москву. Вид тяжелобольной мамы, беспомощно лежавшей на больничной койке, буквально потряс меня. Некогда сильная, всегда энергичная и уверенная в себе, она показалась мне непривычно слабой. Я осторожно подошел к кровати и тихо позвал ее. Мама медленно повернула голову и чуть слышно сказала: «Жомарт». Мы молча взялись за руки, долго смотрели друг на друга. Затем я начал рассказывать, как добрался до Дюссельдорфа, о последних новостях в нашей стране. Мама внимательно слушала. Говорить ей было очень тяжело, поэтому она изредка произносила отдельные слова, давая понять, что слушает меня.

Пришедшие вскоре в палату немецкие врачи констатировали некоторое улучшение состояния пациентки из далекого Казахстана. Появилась надежда, что все обойдется, мама преодолеет внезапный недуг и обрадует нас своим выздоровлением. И сама она, почувствовав некоторый прилив бодрости, сказала мне: «Я обязательно поправлюсь». А затем, заботливо посмотрев на меня, стала настойчиво просить, чтобы я немедленно поехал в гостиницу и отдохнул. Находясь даже в таком тяжелом состоянии, она беспокоилась обо мне, полагая, что я устал после долгого перелета.

С тяжелым сердцем я поехал в гостиницу с Темиртаем — мужем сестры. Мы долго говорили о маме, о том, как порой были невнимательны к ней, считая собственные проблемы наиболее важны-

ми. Темиртай рассказывал мне о том, как мама мечтала о возвращении в Алма-Ату, готовилась к этому с большим волнением, сообщая всем своим знакомым, что по приезде поселится в новом доме своих детей. Всю весну 2000 года она жила мыслями о возвращении на родину, строила радужные планы. Ее искренне радовало то, что после двухлетнего отсутствия она наконец-то сможет увидеться с родственниками, повидать соседей, с которыми дружила на протяжении почти четверти века. Для всех родственников и знакомых она загодя покупала подарки.

Но затем все резко изменилось, мама внезапно заболела, стала угасать на глазах, с каждым днем теряя жизненную энергию. Казалось, что сама мысль о несбыточности планов скорого возвращения на родину повергла ее в уныние и депрессию. Ведь она была «плоть от плоти» частью своего народа. Очень любила казахские песни и телевизионные передачи, с большим интересом слушала айтысы, следила за новинками казахской литературы, внимательно читала журналы и газеты на казахском языке. Все это было неотъемлемой частью ее жизни.

Мама родилась в 1931 году в селе Коктал Алма-Атинской области. Ее отец Шабарбай был председателем колхоза, а незадолго до кончины он получил работу в райисполкоме. Он умер очень рано, в возрасте 55 лет. Не знаю, по какой причине, но мама до 12 лет воспитывалась в семье близких родственников отца, после чего вернулась в отчий дом. Ее мама прожила до 93 лет, до конца жизни сохранив память и живость ума. В нашей семье к ней всегда относились с глубоким уважением, поскольку, помимо женской доброты, она обладала большой жизненной силой и твердым характером. Ее дом всегда был любимым пристанищем

для многочисленных внуков, особенно в период летних каникул. Выезжая в аул Аксенгир, где она жила, мы общались и дружили с деревенскими ребятами, адаптируясь к сельской жизни. Впоследствии тот опыт детских лет мне очень пригодился.

Мама училась в родном селе в русской школе, поэтому она говорила по-русски без малейшего акцента, очень грамотно излагала мысли в письменной форме. Она была по-настоящему двуязычной, прекрасно владея и родным казахским языком, о чем я уже говорил.

В начале 50-х годов мама приехала в Алма-Ату, поступила в медицинский институт. В семейном архиве хранится фотография, где она стоит с однокурсниками возле операционного стола. Но окончить институт ей было не суждено. Судьба свела ее с моим будущим отцом, и в 1953 году родился я, их первенец.

То, что я был старшим ребенком в семье, безусловно, сказалось на трепетном отношении ко мне родителей. Сказать, что они очень любили меня, значит, ничего не сказать. С раннего детства до зрелого возраста я находился на особом положении в семье, меня всегда выделяли и проявляли ко мне родительскую благосклонность. Отец никогда не скрывал, что возлагает на меня большие надежды. Он часто говорил, что хотел бы видеть меня известным человеком в казахстанском обществе, занимающим крупные государственные посты. С большой гордостью отец воспринял мое поступление в Московский государственный институт международных отношений, он был несказанно рад моему сообщению о получении распределения на преддипломную стажировку в посольство СССР в Китае. Помнится, в телефонном разговоре он напутствовал, что нужно «налечь» на совершенствование китайского языка,

изучить внутреннюю и внешнюю политику Китая. Мои родители гордились тем, что я по окончании института попал в систему МИД СССР. Тогда это было действительно престижно и открывало путь к большой дипломатической карьере.

Надо сказать, что по окончании института я получил как бы «альтернативное» распределение: мне, помимо союзного Министерства иностранных дел, предложили попробовать силы в разведке. Для этого нужно было пройти годичную подготовку в одном из секретных учебных заведений в Подмосковье. Сотрудники кадровой службы советской разведки настойчиво уговаривали меня дать согласие на это лестное по тем временам предложение, убеждая, что из меня получится хороший разведчик. Что касается МИДа, в котором я так хотел работать, то мне сказали, что он, мол, никуда «не убежит», эта влиятельная организация в будущем предоставит свое прикрытие, или «крышу», как тогда было принято говорить, для разведывательной деятельности за рубежом.

Разумеется, я не мог не посоветоваться с родителями по этому жизненно важному вопросу. Отец после некоторых раздумий сказал, что все же следует воздержаться от предложения военной организации. Тем более в то время будущее выглядело весьма туманным, поскольку взаимоотношения Советского Союза с Китаем не сулили ничего хорошего. А то, что, если я приму предложение, придется вести агентурную работу именно в Китае, не вызывало никаких сомнений. Отец, посвятивший многие годы изучению деятельности КГБ и рассказавший в своих произведениях немало интересного о нелегком труде чекистов, конечно же, беспокоился о моем будущем.

Мама тоже всегда поддерживала меня. С самого детства я проводил много времени с ней,

слушая ее рассказы и суждения о самых разных вещах. Мама была хорошей рассказчицей, и, наверное, в моем лице она находила благодарного слушателя. Помнится, в первые дни моих приездов в Алма-Ату мы подолгу разговаривали друг с другом, порой засиживались до поздней ночи, обменивались информацией и впечатлениями. Поэтому именно мама оказала огромное влияние на мое жизненное мировоззрение. Она учила меня внимательно относиться к окружающим, проявлять сдержанность, учиться хорошему и извлекать из всего полезные уроки. Довольно часто она говорила мне: «С утра надо думать о том, чем будешь заниматься днем и вечером. Нужно быть собранным, рассеянные люди обречены на неудачу».

Иногда я сопровождал маму в поездках по городу по тем или иным делам. В этих случаях она неизменно вела меня в столовую, чаще всего это была пельменная на улице Шевченко, чтобы там как следует накормить. Сама она практически ничего не ела, лишь с нескрываемым удовольствием наблюдала, как я уплетаю столовскую пищу, которая в те годы казалась мне особенно вкусной. Иногда мама выходила из столовой и поджидала меня на улице.

Наша семья, в которой было четыре ребенка, жила довольно скромно. Долгое время мама по понятным причинам не могла работать, она вела все домашнее хозяйство. Единственным кормильцем был отец. Помимо зарплаты, он время от времени получал гонорары за статьи и книги. И в такие дни в нашей семье были настоящие праздники. Отец вел нас в ресторан, где мы праздновали выход в свет его очередной публикации. Нам, детям, особенно нравились популярные в начале 60-х годов цыплята табака и различные соки. Наедались мы, как говорится, «от пуза», а затем с

удовольствием вспоминали эти пиршества, с нетерпением ожидая новых.

Мама, в те годы еще молодая женщина, была вынуждена отказывать себе во многом, в том числе в украшениях и дорогой одежде. Конечно, ей хотелось быть нарядной, иметь красивые украшения, но, единожды посвятив себя детям, она оставалась верной своему материнскому долгу до последних дней жизни. И даже когда появлялась возможность покупать предметы роскоши, мама проявляла сдержанность, приобретая понравившиеся ей вещи в основном для внучек.

Вспоминая свое детство, не могу не сказать еще об одном ярком примере материнского самопожертвования. Прекрасно понимая, что, как и все юноши, я хотел одеваться если не шикарно, то во всяком случае сносно, мама покупала мне дефицитные в те годы импортные туфли и костюмы. А ведь на эти деньги она могла купить себе что-нибудь нарядное. В конце концов, немало ребят в те годы довольствовались тем, что им скромно перепадало с родительских «щедрот». Но мама очень хотела видеть меня одетым красиво и со вкусом, тем самым изрядно обделяя себя. Такое, конечно, не забудется никогда.

Своей непременной привычке отдавать самое лучшее детям, прежде всего мне, мама не изменяла всю свою жизнь. Вспоминается, как заботливо она отправляла меня на учебу в Москву. Обошла буквально все магазины Алма-Аты, чтобы после долгого стояния в очередях купить мне костюм, плащ и демисезонную обувь. Накануне поездки в первопрестольную очень настойчиво делала мне внушения, как нужно блюсти себя, быть аккуратным в еде и одежде, пунктуальным во всем, что касается учебы. Ее любимым выражением было: «Необходимо соблюдать режим». Не могу

сказать, что я, будучи студентом, во всем следовал наставлениям мамы, но они все же пригодились. Это были не столько нравоучения, сколько просьбы, облеченные в их форму.

Теперь, давая примерно такие же наставления своему сыну, я отчетливо понимаю, что родители, прежде всего мама, очень беспокоились за меня. Ведь тогда они отправляли своего первенца «за тридевять земель», в далекую Москву. И, конечно же, они очень хотели, чтобы моя учеба в престижном институте завершилась успешно, потому что многие казахстанские ребята, не выдержав бытовых и учебных трудностей, целыми группами возвращались в Алма-Ату, под родительское крыло, чтобы продолжить учебу в местных вузах. Меня же такая «перспектива» никак не устраивала по самым разным причинам, в том числе и потому, что не хотел никоим образом подводить родителей, возлагавших на меня большие надежды.

В 1970 году на ноябрьские праздники родители собрались в Москву — проведать меня. Остановились в гостинице «Минск» на улице М. Горького. Мама, не выдержав томительного ожидания в гостиничном номере, отправилась на поиски института. В то время она работала в Алма-Атинском институте иностранных языков, и ей, конечно, было далеко не безынтересно посмотреть, как обустроено учебное заведение, в котором получает знания ее сын. Но больше всего ей хотелось поскорее повидаться со мной.

Я сидел в большой аудитории, слушал лекцию по истории международных отношений. Не знаю, по какой причине, скорее всего, интуитивно я повернулся в сторону двери, которая в это время стала медленно приоткрываться. И я увидел маму, она с радостью и любовью смотрела на меня. Вскоре дверь медленно закрылась. С большим

трудом я дождался окончания лекции, после чего мы поехали в гостиницу, где нас ожидал отец. По заведенной еще в Алма-Ате традиции пошли в ресторан, где, как говорится, «отвели душу». Я рассказывал родителям об учебе в институте, об однокашниках и преподавателях. Чем больше я говорил, тем больше родители «погружались» в мой рассказ. Что касается мамы, она слушала меня с неподдельным вниманием. Она всегда живо интересовалась школьными делами своих детей, знала всех учителей и многих наших одноклассников.

Не хочу никого обидеть, но думаю, что далеко не все матери так искренне интересовались учебой своих детей. Что касается нашей мамы, то она считала нужным знать все до мельчайших подробностей. Не было ни одного родительского собрания, которое прошло бы без ее участия. Она знала всех учителей своих четверых детей! Хорошо владела ситуацией в том, что касалось наших детских шалостей, юношеских радостей и переживаний. Другими словами, никаких секретов от мамы не было. Она всецело жила нашей жизнью, а мы, ее дети, были неотъемлемой частью ее жизни.

Когда я стал студентом, начался новый этап не только в моей судьбе, но и в жизни мамы. Она не скрывала радости и гордости по поводу моего поступления в столь престижный институт. В те годы Московский государственный институт международных отношений действительно был прославленным учебным заведением во всем Советском Союзе. Поступить туда было нелегко, во всяком случае, нужно было сдавать экзамены в Москве по четырем предметам. Требования приемной комиссии были строгими, но объективными, никто не мог пожаловаться на предвзятое отношение. Это теперь поступить в МГИМО стало проще: на каждую из постсоветских республик выделяются

так называемые квоты. Абитуриенты проходят несложное тестирование в своей стране и собеседование в самом институте. Такая система, конечно, снижает некогда очень высокую репутацию этого вуза, хотя качество учебного процесса там все же осталось на высоте.

Тогда же, во время ужина в ресторане гостиницы «Минск», мы договорились о том, как держать связь друг с другом. Схема была проста: раз в две недели, по субботам, родители направляли в общежитие телеграмму с приглашением на телефонный разговор в ближайший почтамт. Получив телеграмму, я должен был в означенный час явиться туда, и после часового ожидания меня связывали с родителями. Эта система была удобна для меня тем, что телефонный разговор оплачивался ими. И даже в этом вопросе они были предусмотрительны и внимательны, справедливо полагая, что у меня — студента — могут закончиться деньги, и это станет препятствием для связи с родителями.

Кстати, о деньгах. Я получал стипендию в 40 рублей. Родители считали, что этого недостаточно для полноценной жизни в другом городе, и решили ежемесячно отправлять мне такую же сумму. Это было нелегким делом, потому что у них на руках было еще трое детей-школьников с соответствующими запросами. Да и сами родители в те годы были довольно молодыми людьми, им наверняка хотелось хорошо одеваться и жить в определенном достатке. Но для них моя учеба стояла на первом месте, ради нее родители, особенно мама, брат и сестры были вынуждены во многом отказывать себе. За всем этим подвижничеством стояла, прежде всего, мама. Она очень хотела видеть меня не только высокообразованным специалистом, но и известным человеком, пользующимся благорас-

положением общества. Наверное, такие чувства не чужды многим матерям, но в отношении меня проявлялась особая материнская любовь.

Как-то, будучи в служебной командировке в Нью-Йорке, я был приглашен на прием в честь прославленного дипломата, бывшего государственного секретаря и помощника президента США по национальной безопасности Генри Киссинджера. На этом мероприятии собралась вся интеллектуальная и предпринимательская элита Нью-Йорка, чтобы воздать должное человеку, который «сделал себя сам», то есть добился выдающихся успехов без чьего-либо покровительства. С интересной речью выступил раввин городской синагоги. Он рассказал многочисленной аудитории о своей матери, которая выбивалась из сил, чтобы дать ему достойное образование. Она постоянно внушала ему мысль о том, что когда-нибудь он должен стать президентом США. Но после злодейского убийства Джона Кеннеди она позвонила сыну, тогда еще студенту, и сказала: «Я передумала, ты должен стать раввином». Слушая этот рассказ, сдобренный еврейским юмором, я вспоминал свою маму: как она беспокоилась обо мне, как любила и как надеялась на меня!

С особой теплотой вспоминаю, как наша семья встречала Новый год в начале 60-х годов в небольшой квартире на улице Амангельды. Каждый из четверых детей подготовил стихотворение или песню, получился довольно интересный концерт, а благодарными и внимательными слушателями были наши родители. Затем папа с мамой предложили нам загадать желание на будущее. Я, ученик второго класса, не задумываясь, как бы ведомый чьей-то доброй волей, безапелляционно заявил, что в будущем хотел бы много путешествовать, ездить за границу. Родители ничего не сказали

в ответ, лишь внимательно посмотрели на меня. Помню, в их глазах было заметно сильное удивление. И это было понятно, поскольку в те годы о поездках в зарубежные страны никто даже и не заикался, потому как обстановка в мире была сложная и визиты за границу были уделом только высокопоставленных лиц. В то время поездка из Алма-Аты в Москву была большим событием, не говоря уж о каких-то зарубежных вояжах.

В старших классах я пристрастился к чтению таких газет, как «Известия», «За рубежом» и «Морнинг Стар» на английском языке. Мне страсть как хотелось стать международником, изучать иностранные языки, историю различных государств и мировую экономику. Я даже завел специальную тетрадь, куда аккуратным почерком записывал интересовавшие меня данные, а также обиходные фразы на английском языке. Родители, конечно, с одобрением относились к моему новому увлечению.

Еще в школьные годы, видя мои старания по изучению английского языка, мама попросила известного преподавателя Александра Сергеевича Рогача взять надо мной шефство, дать несколько уроков. С большим желанием я ходил на частные уроки в Институт иностранных языков. Мой новый наставник оказался интересным человеком: он в 30-е годы прошлого столетия, в период «великой депрессии» в США, выехал со своими родителями на «историческую родину», в Советский Союз. Как оказался бывший американец в далекой Алма-Ате, было известно только ему, во всяком случае, на эту тему он не распространялся, ограничив наши разговоры лишь одним предметом — английским языком. Правда, однажды он обмолвился, что службу в армии проходил в одном из специальных подразделений, где его совершенный английский

язык оказался очень востребованным. Его уроки оказались чрезвычайно полезными, к поступлению в институт я был совершенно готов. Мама искренне, от всей души радовалась моим успехам в изучении английского языка, а это, в свою очередь, придавало мне новые силы и уверенность в себе.

Об особом отношении родителей ко мне красноречиво говорит и такой факт. В конце 60-х годов Алма-Ату посетил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, который, как известно, испытывал теплые чувства к Казахстану. В погожий летний день я с родителями стоял на проспекте Ленина. Его плотно окружили сотрудники милиции — ожидался проезд в сторону гор правительственного кортежа автомашин. Наконец появился головной автомобиль ГАИ, а затем на огромной скорости промчалась «Чайка», в которой находился советский руководитель. Для всех горожан это было крупное событие — хотя бы несколько секунд лицезреть лик богоподобного в то время Л. Брежнева. После того как машины скрылись из виду, мама сказала отцу: «Я загадала желание: пусть такая же счастливая участь не обойдет стороной нашего Жомарта!» Отец благодарно посмотрел на маму, затем перевел взгляд на меня и сказал: «Дай-то Аллах!»

Когда я был студентом и жил в общежитии, мама постоянно беспокоилась об условиях, в которых мне приходилось пребывать. Она хорошо понимала, что жить бок о бок со сверстниками из различных республик и государств, при практически полном отсутствии каких-либо элементарных удобств — нелегко и требует собранности и терпения.

О том, как непросто было жить в общежитии, она догадывалась и по содержимому моего чемо-

дана. На зимние и летние каникулы я привозил домой целый ворох изрядно заношенных рубашек и нательного белья. Отец, с улыбкой наблюдая, как я вытаскиваю из чемодана свою одежду, говорил маме: «Ну, теперь ты не останешься без работы».

Надо сказать, что мама с особым женским удовольствием и довольно энергично вела домашнее хозяйство. Вспоминая детство, я не перестаю удивляться ее способности уделять всем членам семьи необходимое внимание. Только стирка вещей и уборка квартиры отнимали у нее немало сил, тем более что все это приходилось делать одной. В те годы в нашей семье не было ни стиральной машины, ни тем более горничной. Тем не менее мама успешно справлялась с этой трудной работой, при этом не выпуская из своего поля зрения и учебу своих детей. По сложившемуся в нашей семье «распределению обязанностей» именно мама отвечала за нашу учебу. Она не пропускала ни одного родительского собрания, знала всех учителей, помнила наших друзей и одноклассников. А ведь нас было четверо, и каждый из нас со своими запросами, трудностями. Хорошей успеваемостью в школе, университетскими дипломами мы — я, мой брат Бакытбек, сестры Салтанат и Ляля — обязаны нашей маме, уделявшей огромное внимание нашему образованию.

Родители никогда не забывали снабжать меня гостинцами, передавая их через друзей и знакомых, направлявшихся в Москву. Мне особо запомнился белый чемодан, привезенный в общежитие другом отца Хамитом Альжановым, работавшим в то время в органах безопасности. В чемодане были аккуратно сложены яблоки. Алма-атинский апорт тут же дал знать о себе неповторимым ароматом, быстро распространившимся за пределы небольшой комнаты, и, естественно, привлек вни-

мание обитателей других комнат. Вскоре в мою комнату стали стучаться многочисленные соседи, живо интересовавшиеся источником столь чудного запаха. В конечном счете состоялось пиршество, единственным блюдом на котором были алма-атинские яблоки. Долгое время после этого мои друзья-однокашники вспоминали ту импровизированную дегустацию, спрашивая, не ожидается ли новая такая же посылка из отчего дома. Как-то уже в конце 90-х годов ушедшего столетия ко мне во время дипломатического приема в Москве подошел один из руководителей российского МИД, добрым словом вспомнил те студенческие застолья, которые были возможны только благодаря щедрым посылкам от моих родителей. Я рассказал маме об этом, чем очень обрадовал ее.

После успешного окончания института я был направлен на работу в советское посольство в Республике Сингапур. Это распределение и обрадовало, и взволновало моих родителей. Их надежды и мечты были близки к воплощению, поскольку мне было суждено начать карьеру профессионального дипломата. Но перед поездкой в далекий Сингапур предстояло поработать в центральном аппарате МИД СССР. К этому событию родители готовились особенно тщательно. Помнится, мама обошла не один магазин, чтобы купить мне новый костюм. В нем я 1 сентября 1975 года вошел в здание МИДа на Смоленской площади, став советским дипломатом. В том же костюме я спустя три месяца вылетел в Сингапур.

В те годы единственным способом общения были письма, шедшие до двух-трех недель. С позиции сегодняшнего дня это выглядит странно, поскольку такие виды коммуникаций, как мобильная телефонная связь, электронная почта, факсы, уже стали неотъемлемой частью нашей жизни, и

многим, особенно молодым людям, кажется, что эти блага цивилизации существовали чуть ли не испокон веков. Перед отъездом в экзотическую командировку родители просили меня более или менее регулярно писать им письма. Таким образом, между нами наладилась почтовая переписка. Я рассказывал о работе в Сингапуре, этой удивительной стране. Родители писали мне по отдельности: отец оформлял свои послания на казахском языке и по-писательски основательно, мама же писала по-русски, интересно излагая последние новости, касавшиеся нашей семьи. Читая ее письма, я как-то подумал, что она при определенных обстоятельствах тоже могла стать хорошим журналистом и даже писательницей — настолько были интересными и стилистически грамотными ее письма.

Но, несмотря на неординарные способности, мама посвятила свою жизнь семье. И даже во время редких выходов в «общество» она держалась в тени мужа, больше слушая, нежели говоря. А затем, по возвращении домой, подробно рассказывала нам, своим детям, о виденном и слышанном. Это были своего рода уроки жизни на тему: «Что такое хорошо, что такое плохо». Она ни на йоту не изменила своей человеческой, женской и материнской доброте, простоте, такту и чуткости, даже когда я стал членом правительства нашей страны. Очень мало людей в Алма-Ате знали, что она является матерью министра. Такое поведение не может не вызывать подлинного уважения, ведь она вложила столько сил и старания в мое воспитание. Кроме всего прочего, ее деликатность резко контрастирует с нынешними поступками некоторых других женщин далеко «постбальзаковского» возраста, которые считают чуть ли не своим святым долгом посещать все торжественные засто-

лья и во время оных непременно выступают с пространными нравоучительными речами о воспитании детей. Мама, наоборот, всячески сторонилась крупных застолий. Она предпочитала «камерное» общение с людьми, близкими ей по душе. Ее частыми собеседниками были Сериккали Тулепов и его супруга Роза Каирбаева[1], профессор КазНГУ им. аль-Фараби, с которыми родители познакомились еще в начале 50-х годов, когда те были студентами. Дружбе с этими достойными людьми мама не изменяла до последних дней жизни. Она охотно общалась и с профессором КазНГУ Гульжаухар Жанбатыровой, тоже рано ушедшей из жизни, и с заслуженным работником образования Эстой Ахметовой, которая работала в Фонде памяти жертв сталинских репрессий. К ним она относилась с искренним уважением. Неизменным собеседником и своеобразным «поверенным в делах» была ее родная сестра Бакыт Шабарбаева, которая, к сожалению, тоже скончалась.

В свой первый трудовой отпуск я прилетел из Сингапура в Москву неожиданно для родителей — письмо об этом важном для меня событии затерялось где-то в пути. Из Москвы я позвонил домой, трубку подняла мама. Спустя почти полтора года мы наконец-то поговорили друг с другом. Даже по телефону я чувствовал ее неописуемую радость, хотя при всех обстоятельствах она старалась проявлять сдержанность. А через пару недель я прибыл в родной город и отчий дом.

В последующие мои отпуска, будь то из Сингапура или из Китая, мама неизменно приезжала в Москву, чтобы встретить меня в аэропорту. Теперь, по

[1] С. Тулепов многие годы работал в хозяйственной сфере, Р. Каирбаева была профессором Казахского национального государственного университета, где пользовалась заслуженным авторитетом.

истечении многих лет, я понимаю, что по-другому поступать она просто не могла. Она очень скучала по мне и, наверное, считала месяцы и дни, ожидая столь редких встреч с первенцем.

Что касается отца, то он, согласно заведенному в нашей семье ритуалу, приезжал в алма-атинский аэропорт, чтобы встретить меня традиционным рукопожатием. В нашей семье не было принято обниматься друг с другом, тем более целоваться. После кончины отца в ноябре 1986 года мне было очень грустно видеть в аэропорту одинокую маму, и ко мне приходило отчетливое понимание того, что отца теперь не вернуть. Такое же тоскливо-печальное чувство овладело мной уже после ухода из жизни мамы. Вспомнились строки некогда популярных стихов о том, что сиротой оставаться трудно и в детском, и в зрелом возрасте.

Не могу не вспомнить и то, как мама решительно поддержала меня в трудный период моей жизни, совпавший с развалом Советского Союза. В те смутные дни нужно было определяться — оставаться ли в Москве и работать в Министерстве иностранных дел российского государства, или же возвращаться на родину. Дело в том, что руководство МИД России советовало мне остаться в Москве и предлагало должность генерального консула во Вьетнаме. Запомнились слова мамы: «Будь жив отец, он непременно сказал бы тебе: надо работать в Казахстане!» Эти слова прозвучали как наказ, тем более что за неделю до этого судьбоносного разговора мне приснился сон: я о чем-то разговаривал с отцом, и он горячо убеждал меня действовать решительно и без колебаний.

Мама искренне радовалась моему возвращению на родину. Несколько месяцев мы жили вместе в квартире, которую отец получил в 1973 году во время работы в Президиуме Верховного Сове-

та. Из той же квартиры мне пришлось проводить родителей в последний путь. А в начале 90-х годов ничего не предвещало сравнительно скорой кончины мамы. Она была бодрой и жизнерадостной, помогала воспитывать внуков, внимательно контролировала их учебу, так же как когда-то неустанно следила за нами.

Я приступил к работе в Министерстве иностранных дел. Поскольку Казахстан делал лишь первые шаги на международной арене в качестве независимого государства, работа в тот ответственный период развития нашей страны была чрезвычайно напряженной. Все руководящие сотрудники засиживались допоздна, перед нами стояла задача подготовки документов к многочисленным встречам и переговорам на высшем уровне, а также выработки концептуальных основ внешней политики Казахстана. Мама неизменно ждала меня, загодя приготовив ужин. Она очень хорошо знала мои пристрастия в пище и прекрасно «чувствовала» меня, угадывая мое настроение с первых шагов по квартире. Чаще всего мы, сидя на кухне, разговаривали о разных делах, в том числе и о служебных. Мама искренне интересовалась моей работой и даже старалась помочь мне. В основном ее советы касались моих взаимоотношений с различными людьми, которых я, из-за долгого отсутствия в Казахстане, знал довольно слабо.

В те годы понятие служения Родине трактовалось многими людьми по-разному, например, как лучшая возможность мгновенно разбогатеть за счет получения быстро обесценивающихся в условиях инфляции банковских кредитов или выдачи лицензий на экспорт сырья. Мама, конечно же, знала, что некоторые чиновники буквально в одночасье превратились в богачей, но не уставала предупреждать о бесперспективности и пагубно-

сти такого пути. Сама же вела очень скромный образ жизни и до самой кончины во многом отказывала себе. Постоянно она советовала мне «блюсти себя», ни в коем случае не поддаваться на соблазны, чтобы не опорочить собственную репутацию в глазах людей.

Она все годы, вплоть до отъезда на лечение в Дюссельдорф, не пользовалась никакими благами и льготами, в продуктовые магазины и на базар ездила в трамвае или на такси. Как-то я предложил ей заказывать горячие блюда в кафе или ресторане, она решительно отказалась делать это, сказав, как отрезав, что сама справится с привычной домашней работой. Мама была поразительно терпеливой ко всем неудобствам: зимой из-за перебоев с отоплением куталась в теплые шали и кофты, готовила пищу на электроплитке, а летом терпела знойную жару. И ни разу не жаловалась на жизненные трудности, напротив, постоянно говорила, что счастлива и все ей нипочем, коль дети и внуки рядом с ней.

Мидовская работа сопряжена с частыми командировками за рубеж. Мама с добрыми напутствиями провожала меня в далекую дорогу и с радостью встречала меня. Казалось, что возникшая в середине 70-х годов практика продолжается, но теперь уже в новых исторических условиях. Ведь мама провожала меня не только в годы работы в Сингапуре и Китае, но и специально приезжала в Москву, чтобы встретить в аэропорту Шереметьево или на Ярославском вокзале. К большому сожалению, эта добрая традиция оказалась недолговечной.

В июле 1998 года мама перенесла инсульт. Эта тяжелая болезнь, к нашему счастью, оказалась не столь долгой, чего мы очень опасались, но все же изрядно пошатнула мамино здоровье. И даже

в этих тяжелейших обстоятельствах мама проявила удивительную стойкость, она отказалась лечь в больницу, сказав, что ей легче бороться с недугом в родных стенах. Упорно лечилась сама и уже через полгода преодолела все последствия инсульта. Ее исцеление не могло не радовать ее детей и внуков. Но врачи предупредили нас о том, что необходима полная диспансеризация и реабилитация, поэтому на семейном совете было решено отправить маму за границу, где она никогда не была, если не считать кратковременной поездки в Китай. Надо сказать, что мама восприняла это решение с радостью, она сильно устала от напряженного лечения, ей хотелось каких-то перемен в своей жизни.

Легкость, с которой она согласилась на переезд, объяснялась еще и тем, что я к тому времени переселился в Астану и потому редко появлялся в Алма-Ате. Наши встречи с ней стали нечастыми, общались в основном по телефону. Как-то в одном из таких разговоров мама произнесла многозначительную фразу: «После вашего переезда в новую столицу мы все тут осиротели». Я временами в своих мыслях возвращаюсь и думаю над этой фразой, пытаюсь разгадать ее потайной смысл. Порой мне кажется, что тем самым мама хотела сказать, что очень скучает обо мне, предчувствует скорую разлуку и прощание навсегда.

Конечно, ей особенно трудно было расставаться со мной, тем не менее она не спешила поддерживать мнение многочисленных противников исторического решения о переносе столицы. Мама всегда была горячим сторонником Президента Н. Назарбаева, часто хвалила его и по-матерински гордилась им. В ее отношении к главе государства проявлялась некая категоричность, она не скрывала своей явной антипатии к людям, которые

позволяли себе говорить нечто отрицательное о Президенте. До самой смерти она хранила вырезанную из журнала фотографию Нурсултана Абишевича и Сары Алпысовны.

Мы продолжали телефонное общение во время пребывания мамы в Дюссельдорфе. Она рассказывала мне, что довольна бытовыми условиями и климатом, просила не беспокоиться. И даже в новых жизненных обстоятельствах она проявляла удивительную скромность, старалась не доставлять мне хлопот. Навестив ее незадолго до кончины, я с грустью убедился в том, что ей пришлось жить в довольно стесненных условиях, квартира оказалась не такой просторной, как она описывала мне. Ее пристанище было расположено в многоквартирном доме, в котором жили только немцы. Они с большим уважением относились к маме, высоко оценивали ее человеческие качества. Особенно их удивляло то, как она относилась к внукам. Соседи даже пытались объяснить ей, что жить нужно прежде всего для себя, так как дети и внуки, дескать, пойдут своим жизненным путем. Маме, конечно, такие рассуждения были не совсем понятны и даже чужды. Особенно сильно ее удивляла распространенная на Западе практика отчуждения родителей от своих детей по достижении ими зрелого возраста под предлогом того, что отпрыски, мол, должны жить самостоятельно и адаптироваться к взрослой жизни.

Мама сдержанно, стараясь не выдавать своих эмоций, поздравила меня с назначением на пост премьер-министра. Сказала просто: «Как жаль, что нет с нами твоего отца! Он был бы очень рад». Она сильно переживала по поводу жестких нападок на меня в средствах массовой информации, однажды даже слегла с гипертоническим кризом, что, конечно, было губительно для ее слабого здо-

ровья после перенесенного инсульта. В одном из телефонных разговоров она обмолвилась, что хотела бы вернуться домой, чтобы в тяжелое для меня время быть рядом со мной, поддержать добрым советом. Пришлось с трудом отговорить ее от этого шага, поскольку были серьезные опасения по поводу последствий длительного полета в самолете. Кто мог знать, что она все же совершит это далекое путешествие, но уже в последний раз в своей жизни.

Расставание с мамой было крайне тяжелым. Только работа, тесное общение с родственниками и близкими людьми отвлекали от тяжелых раздумий и угрызений совести. Но меня постоянно не покидают печаль и грусть по маме. Знаю, что они не покидают и всех членов нашей семьи. Утешением служит лишь фраза, сказанная мамой незадолго до кончины: «Я всем довольна». И еще фотографии, снятые во время ее пребывания за границей. На них она выглядит несколько помолодевшей, похорошевшей и радостной.

Классик мировой литературы Оноре де Бальзак писал, что в сердце каждой матери всегда найдется место для прощения. Хотелось бы верить, что мама с пониманием воспринимала ошибки своих детей, в том числе и в отношении к ней самой. Любящее сердце все поймет и все простит. А то, как любила своих детей наша мама, передать словами просто невозможно. Жизнь и судьба детей и внуков стали, по существу, и ее жизнью и судьбой. Не боясь быть непонятым и без ложной скромности могу сказать, что в наших глазах мама занимала свое особое место среди всех матерей Земли.

Послесловие

Бывая в Алматы, я непременно посещаю кладбище Кенсай — последнее пристанище моих родителей. Стою у двух черных обелисков, на которых золотыми буквами выгравировано: Кемель Токаев — 1923–1986 гг., Турар Шабарбаева — 1931–2000 гг. Не знаю, но почему-то у меня на кладбище мысли становятся сумбурными и отвлеченными. Чтобы как-то уйти от них, я подолгу вглядываюсь в небо, и мне кажется, что где-то там, далеко-далеко, нашли приют души моих дорогих родителей. И хочется верить, что они продолжают свое пребывание в бесконечном космосе в благости и покое, незримо передавая оставшимся на Земле детям и внукам тепло своих душ. Может быть, спустя много лет души моих покойных родителей, завершив свой небесный путь, вновь спустятся на Землю, и тогда на ней появятся два новых человека, наделенных Всевышним высокими моральными качествами. Мне хочется в это верить.

МАЗМҰНЫ. СОДЕРЖАНИЕ

Алғы сөз 5

I тарау. Балалық пен жастық шақ 9

II тарау. Соғыс..... 26

III тарау. Әдебиетке барар бұралаң жол 38

IV тарау. Кемел Тоқаевтың шығармашылығы 62

V тарау. Кемел Тоқаев және оның замандастары..... 78

VI тарау. Ана..... 101

Соңғы сөз орнына 122

Предисловие 125

Глава I. Детство и юность..... 129

Глава II. Война 146

Глава III. Тернистый путь в литературу 159

Глава IV. Творчество Кемеля Токаева 186

Глава V. Кемель Токаев и его современники 203

Глава VI. Мама 229

Послесловие..... 252

Қасым-Жомарт Кемелұлы Тоқаев

ӘКЕ ТУРАЛЫ ОЙ-ТОЛҒАУ

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Редакторлары *Айгүл Абдрахманова, Наталья Мордвинцева*
Көркемдеуші редакторы *Жеңіс Қазанқапов*
Техникалық редакторы *Эльмира Заманбек*
Беттеген *Ұлжан Бердібекова*
Корректорлары *Айгүл Абдрахманова, Наталья Мордвинцева*

Басуға 09.03.2021 қол қойылды.
Қағазы офсеттік. Офсеттік басылым.
Шартты баспа табағы 16,0 + 3 б.т. жапсырма бет
Тапсырыс № 48. Таралымы 2000 дана.

9 786013 387741

«Фолиант» баспасы
010000, Нұр-Сұлтан қаласы, Ш. Айманов к., 13

«Регис-СТ Полиграф» баспаханасында басылды
010000, Нұр-Сұлтан қаласы, Ш. Айманов к., 13